

Детки в клетке (сборник)

Автор:

[Стивен Кинг](#)

Детки в клетке (сборник)

Стивен Кинг

Дорожная яма непостижимым образом превращается в могилу...

Из сливного отверстия ванны вдруг высовывается человеческий палец...

Заброшенная тропа приводит в город призраков, откуда невозможно уйти...

Человек понимает, что кричит и что никто не слышит его, кроме мертвецов...

Поворот штурвала - и самолет взрывается...

Омерзительный коготь может перерезать ваше горло раньше, чем вы догадаетесь, что происходит...

Это - кошмарные сны. Это - кошмарная реальность. Это - жизнь, ставшая бесконечным ужасом...

Читайте «Детки в клетке» - бестселлер Стивена Кинга!

Стивен Кинг

Детки в клетке (сборник)

«Кадиллак» Долана

Месть лучше вкушать холодной.

Испанская пословица

[1 - Dolan's Cadillac. © Перевод. Покидаева Т.Ю., Аракелов А.В., 2000.]

Семь лет я ждал и следил за ним. Я наблюдал за ним, за Доланом. Я видел, как он расхаживает по шикарным ресторанам, одетый в пижонский смокинг, каждый раз – под руку с новой девицей и под бдительным присмотром пары громил-охранников. Я видел, как из пепельно-серых его волосы стали модными «серебристыми». Мои же только редели, пока и вовсе не сошли на нет. Я видел, как он покидает Лас-Вегас в своих регулярных паломничествах на Западное побережье. Я видел, как он возвращается в город. Пару раз я наблюдал с боковой дороги, как его седан «девиль» – тоже серебристый, под цвет его модных волос – со свистом пролетает по шоссе № 71 в сторону Лос-Анджелеса. Я видел, как он выезжает из дома на Голливуд-Хиллс на том же сером «кадиллаке», возвращаясь в Лас-Вегас, – но такое случалось нечасто. Сам я школьный учитель. В плане свободы передвижений школьные учителя никогда не сравнятся с крутыми бандитами – таков непреложный закон экономики.

Он не знал, что за ним следят – я не давал ему ни малейшего повода заподозрить хоть что-нибудь. Я держался на расстоянии. Я был осторожен.

Он убил мою жену – или приказал, чтобы ее убили; итог один, как ни крути. Хотите подробности? От меня вы их не дождетесь точно. Если хотите, можете порыться в подшивках газет. Ее звали Элизабет. Она тоже была учительницей. Мы с ней работали в одной школе. В той самой школе, где я работаю до сих пор. Она учила первоклашек. Они ее обожали. И я, наверное, не ошибусь, если скажу, что многие из них помнят ее до сих пор, хотя теперь они уже подростки. Я любил ее и люблю до сих пор. Она была далеко не красавицей – но она была очень милой. Хотя и тихоня, она умела и любила смеяться. Она часто мне снится. Ее огромные карие глаза. Для меня никогда не было других женщин, кроме нее. Не было и не будет.

Он прокололся, Долан. Вот все, что вам надо знать. А Элизабет оказалась поблизости – не в том месте не в то время. Она все видела. Пошла в полицию, полиция отправила ее в ФБР, ее допросили, она сказала: «Да, я буду давать показания». Они обещали ее охранять, но то ли сглупили, то ли недооценили Долана. Может, и то, и другое вместе. Как бы там ни было, однажды вечером она села в машину, и заряд динамита, подключенный к замку зажигания, сделал меня вдовцом. Он сделал меня вдовцом – Долан.

Нет свидетелей – нет обвинения. Его отпустили.

Он вернулся в свой мир, а я – в свой. Апартаменты в пентхаузе в Вегасе – для него, типовой дом в районе массовой застройки – для меня. Вереница роскошных красоток в мехах и открытых вечерних платьях – для него, тишина и молчание – для меня. Для него – серые «кадиллаки» (за эти годы он успел поменять четыре машины). Для меня – неизменный «бьюик-ривьера», разваливающийся на ходу. Его волосы поседели, мои поредели и выпали.

Но я следил.

Я был осторожен – еще как осторожен! Предельно. Я знал, кто он и на что он способен. Я знал, что стоит ему заподозрить, что я могу представлять для него угрозу, он раздавит меня как козявку. Так что я был осторожен.

Три года назад, во время летнего отпуска, я последовал за ним (на приличном расстоянии) в Лос-Анджелес, куда он ездил достаточно часто. Долан остановился в своем шикарном доме и, как обычно, закатывал вечеринку за вечеринкой (я наблюдал за его гостями из безопасной тени в конце квартала, стараясь не привлекать внимания полицейских патрулей). Сам я остановился в дешевом отеле, где слишком громко играло радио за стеной и в окнах бесился неоновый свет из стрип-бара напротив. Почти каждую ночь в ту поездку мне снились огромные глаза Элизабет, мне снилось, что она жива и ничего этого не было... и когда я просыпался, мое лицо было мокрым от слез.

Я уже начал терять надежду.

Его хорошо охраняли. Весьма и весьма хорошо. Он вообще не выходил на улицу без двух вооруженных до зубов горилл, а его «кадиллак» был бронирован. На нем даже стояли такие большие радиальные шины, наполненные

герметизирующим составом – наподобие тех, которые очень любят диктаторы в маленьких странах с большими проблемами.

Но потом, на обратном пути, я придумал, как все можно устроить. То есть решение мне подсказало одно событие, которое сильно меня напугало.

Я ехал за ним в Лас-Вегас, стараясь держаться как минимум в миле – а то и в двух-трех – позади него. Пока мы пересекали пустыню, двигаясь на восток, его серебристый «кадиллак» далеко впереди виделся мне просто как солнечный блик на горизонте, и я вспоминал, как солнце играло в волосах Элизабет.

Итак, я был далеко позади. Я не хотел рисковать. Середина недели – движение на шоссе очень редкое. А когда на трассе мало машин, следить за кем-то – занятие опасное. Это знают даже учителя начальных классов. Я проехал мимо оранжевого щита с надписью «ОБЪЕЗД ЧЕРЕЗ 5 МИЛЬ» и сбавил скорость. При объездах в пустыне скорость машин падает до черепашьего шага, и мне не хотелось упереться в бампер серого «кадиллака», когда водитель будет бережно катить его по какой-нибудь ухабистой грунтовке.

Следующий знак гласил: «ОБЪЕЗД ЧЕРЕЗ 3 МИЛИ», а ниже шла надпись: «ВНИМАНИЕ! ВПЕРЕДИ ВЗРЫВНЫЕ РАБОТЫ. ПОЖАЛУЙСТА, ОТКЛЮЧИТЕ РАЦИИ И РАДИОТЕЛЕФОНЫ».

Я задумался о фильме, который видел давным-давно. В нем банда вооруженных грабителей заманила в пустыню инкассаторский броневик, выставив на дороге фальшивые знаки объезда. Как только водитель сворачивал на очередную пыльную дорогу (а в пустыне их тысячи – грунтовые проселки, утопанные дорожки для перегона скота, старые правительственные трассы, ведущие в никуда), злоумышленники убирали знаки, обеспечивая изоляцию, а потом, когда броневик зарулил глубоко в пустыню, они осадили машину и держали осаду, пока охранники не сдались и не вышли наружу.

Они убили охранников.

Я точно помню.

Они убили охранников.

Я доехал до объезда и свернул в указанном направлении. Качество дороги подтвердило мои самые худшие опасения: ссохшаяся утрамбованная грязь в две полосы, испещренная выбоинами и колдобинами, так что мой «бьюик» трясло и швыряло из стороны в сторону. Мне давно надо было поставить новые амортизаторы, но такие расходы не всегда по карману простому школьному учителю, даже если он бездетный вдовец и у него нет никаких дорогостоящих увлечений, кроме одного – мечтать о мести.

Пока мой «бьюик» скакал по дороге, у меня возникла идея. Вместо того чтобы красться за долановским «кадиллаком», когда он в очередной раз направится в Лос-Анджелес из Вегаса или наоборот, я поеду вперед. Устрою фальшивый объезд, как в фильме – объезд, ведущий в пустыню к западу от Лас-Вегаса, окруженную горами. Потом сниму знаки, как грабители в кино...

Тут я вернулся к реальности. Передо мной был «кадиллак» Долана, прямо у меня перед носом, остановившийся на обочине пыльной дороги. При всех его самозатягивающихся шинах, одну из покрышек спустило. Нет, не просто спустило. Ее разорвало – полколеса снесло напрочь. Причиной скорее всего был острый клиновидный камень, торчавший в застывшем грунте, как маленький противотанковый «еж». Один из охранников возился с домкратом, второй – настоящий громила со свинячьим рылом, залитым потом, – прикрывал Долана. Даже в пустыне они были настороже.

Сам Долан – худой, в расстегнутой на груди рубашке и темных брюках – стоял чуть в стороне. Его серебристые волосы развевались под легким сухим ветерком. Он просто стоял, наблюдал за своими гориллами и невозмутимо курил сигарету, как будто все это происходило не посреди пустыни, а где-нибудь в ресторане, танцзале или чьей-то гостиной.

Он равнодушно взглянул на мою машину – на миг наши взгляды встретились через мое лобовое стекло – и отвернулся. Он меня не узнал, хотя мы встречались раньше, семь лет назад (когда у меня еще были волосы на голове). Я сидел рядом с женой на предварительном слушании его дела.

Мой ужас возможного разоблачения вдруг сменился предельной яростью.

Я хотел высунуться в правое окно и крикнуть ему в лицо: «Как ты посмел меня не запомнить?! Как ты посмел сбросить меня со счетов?!» Но это было бы глупо.

И хорошо, что он меня забыл, и отлично, что он обо мне не помнит. Лучше быть незаметной мышью и потихонечку грызть провода за обшивкой. Лучше быть пауком и плести паутину в сумраке под карнизом.

Парень, корпевший над колесом, махнул мне рукой, но Долан – не единственный, кто умеет не замечать. Я безразлично посмотрел на вспотевшего громилу, искренне желая ему сердечного приступа, или удара, или того, и другого вместе. Я спокойно проехал мимо – но голова у меня еще долго кружилась. Горы на горизонте еще какое-то время двоились и даже троились у меня в глазах.

Ну почему у меня нет пистолета?! – в отчаянии думал я. Будь у меня пистолет, я мог бы прикончить мерзавца прямо сейчас.

Лишь через несколько миль мне удалось взять себя в руки и слегка образумиться. Даже будь у меня пистолет, моих талантов хватило бы только на то, чтобы быть убитым. Будь у меня пистолет, я бы остановился, когда громила с домкратом махнул мне рукой, вышел бы из машины и начал рассыпать пули веером по пустому пространству. Может быть, я бы кого-нибудь и зацепил. Но потом меня грохнули бы с полпинка и похоронили в неглубокой могиле, а Долан продолжал бы разъезжать между Лас-Вегасом и Лос-Анджелесом на своем сером «кадиллаке» и водить роскошных красоток в дорогие ночные клубы, пока шакалы разрывают мою могилу и дерутся за мои обглоданные кости под холодной луной пустыни. И никто бы уже не отомстил за Элизабет. Никто и никогда.

Люди, которые охраняют Долана, обучены убивать. Я обучен учить третьеклассников.

Это не кино, напомнил я себе, выруливая обратно на шоссе мимо оранжевого щита: «КОНЕЦ РЕМОНТНЫХ РАБОТ. ШТАТ НЕВАДА БЛАГОДАРИТ ВАС И ПРОСИТ ПРОЩЕНИЯ ЗА ДОСТАВЛЕННЫЕ НЕУДОБСТВА». И если я когда-нибудь заиграюсь, и перепутаю реальность с кино, и решу, что лысеющий и страдающий миопией учитель третьего класса может стать Грязным Гарри – по-настоящему, а не только в собственных фантазиях, – в этом случае Элизабет тоже останется неотомщенной.

А возможно вообще такое, чтобы месть совершилась?

Да или нет?

Идея с фальшивым объездом была, безусловно, такой же бредовой и романтической, как и мысль выпрыгнуть из «бьюика» и изрешетить эту троицу из пистолета. Это мне-то, человеку, который и из двустволки с шестнадцати лет не стрелял, не говоря уже о каком-то другом оружии!

Такое дело вообще невозможно проверить без помощников – даже в том кино, каким бы глупеньким и романтическим оно ни было, действовал не один человек, а группа. Даже две группы. Грабителей в фильме было человек восемь-девять. Они разбились на две группы и связывались между собой по рации. Там даже был один парень, который летал над шоссе на небольшом самолете, чтобы убедиться, что броневик свернул туда, куда надо.

Дурацкий сюжет, согласен. Наверняка этот сценарий состряпал какой-нибудь располневший графоман-сценарист, сидевший у своего бассейна с фужером Пина-Колады в руке и с набором заточенных карандашей и маленьким «колесом сюжетов»[2 - «Колесо сюжетов» – должно быть, имеется в виду такая игрушка в виде коробочки, где можно поворачивать колесики с разными надписями и таким образом составлять рассказы по методу случайного выбора. – Примеч. пер.] Эдгара Уоллеса под рукой. Но даже такому парню для воплощения этой идеи понадобилась небольшая армия. А я был один.

Ничего не получится. Это была просто очередная бредовая мысль, проблеск призрачной надежды на месть, которых было немало за эти годы: напустить ядовитого газа в систему кондиционирования долановской машины, или заложить бомбу в его лос-анджелесском доме, или раздобыть по-настоящему убойное оружие – скажем, базуку, – и превратить этот проклятый серебристый «кадиллак», пролетающий по шоссе № 71, в огненный шар.

Ладно, проехали.

Но мысль продолжала вертеться в голове.

Отсеки его, шептал внутренний голос. Голос Элизабет. Отсеки его, как опытная овчарка по команде хозяина отсекает овцу от стада. Загони его в объезд, в пустоту и там убей. Убей их всех.

Не пойдет. При всей моей ненависти к этому человеку, надо отдать ему должное. Если такой человек, как Долан, сумел протянуть достаточно долго, у него должен быть сильный инстинкт выживания. У него должен быть нюх на опасность, быть может, граничащий с паранойей. Он тут же раскусит уловку с объездом.

Но сегодня они же свернули в нормальный объезд, отозвался голос Элизабет. Свернули без тени сомнения. Как ягненок Мэри.

Но я знал – не знаю откуда, но знал! – что когда речь идет об опасности, у людей этого типа, больше похожих на волков, развивается что-то вроде шестого чувства. Я мог бы украсть настоящие дорожные знаки с какого-нибудь склада; я мог бы даже расставить на дороге флуоресцентные оранжевые конусы и светящиеся указатели. При желании я мог бы обставить все как положено... и все равно Долан почует на декорациях нервный пот с моих ладоней. Почует даже через свои бронированные окна. Закроет глаза и услышит имя Элизабет, которое всплывет из глубины змеиной норы, заменяющей ему мозг.

Голос, говоривший за Элизабет, умолк, и я решил, что сегодня он больше не будет меня беспокоить. Но потом, когда впереди уже показался Вегас – окутанный синеватой туманной дымкой, он как будто подрагивал в жарком мареве на краю пустыни, – он заговорил снова.

Если его не обманешь фальшивым объездом, прошептал он, тогда обмани настоящим.

Я резко направил «бьюик» к обочине и вдарил по тормозам обеими ногами. Потом я долго сидел и смотрел на свое отражение в зеркале заднего вида широко распахнутыми, перепуганными глазами.

А голос, говоривший за Элизабет, вдруг рассмеялся. Это был дикий, безумный смех, но через пару секунд я тоже расхохотался.

Другие учителя смеялись надо мной, когда я вступил в Клуб здоровья у нас на Девятой улице. Один из них даже спросил, что это на меня нашло – уж не надрал ли мне кто-нибудь задницу. Я смеялся вместе с ними. Пока ты смеешься вместе со всеми, тебя никто ни в чем не заподозрит. Да и почему бы мне было не

посмеяться? Моя жена умерла уже почти семь лет назад. От нее давно ничего не осталось – лишь клочок волос, пара костей и горстка праха в гробу. Так почему бы мне было и не посмеяться? Вот если бы я не смеялся, тогда бы люди задумались, все ли со мной в порядке.

Итак, я смеялся вместе со всеми – смеялся всю осень и зиму, даже когда мои мышцы ныли от непривычной нагрузки. Я смеялся, хотя изводил себя голодом: никаких вторых порций в плане добавки, никаких перекусов на ночь, никакого пива и предобеденного джина с тоником. Зато вдоволь мяса с кровью и зелень, зелень, зелень.

На Рождество я купил себе тренажер.

Нет, даже не так. Элизабет купила мне тренажер.

Я стал реже видеть Долана. Был слишком занят: тренировался, подтягивал пузо, прокачивал руки, ноги и грудь. Иногда мне казалось, что я больше не вынесу, что у меня все равно никогда не получится набрать необходимую форму, что я просто не выживу без добавок, кофейных пирожных и лишней ложечки сливок в кофе. В такие дни я садился в машину, ехал к одному из его любимых ресторанов или клубов, парковался неподалеку от входа и ждал его появления. Сейчас он появится: выйдет из своего туманно-серого «кадиллака» под руку с высокомерной холодной блондинкой или рыжей хохотушкой – а то и с двумя сразу. Сейчас он появится, человек, убивший мою Элизабет, весь из себя ухоженный и элегантный, в блейзере от Биджана, сверкающий золотым «Ролексом» в отблесках уличных фонарей. Когда я уставал или падал духом, я шел к Долану. Наверное, так человек, мучимый страшной жаждой, ищет оазис в пустыне. Я жадно пил его отравленную воду и оживал.

В феврале я начал бегать. Каждый день. И теперь другие учителя подтрунивали над моей лысиной, которая краснела и облезала, и снова краснела и облезала на утреннем солнце, независимо от того, сколько я на нее изводил солнцезащитного крема. Они смеялись, и я смеялся вместе с ними, хотя дважды чуть не терял сознание и провел немало кошмарных минут – обычно, в самом конце пробежек, – пытаюсь унять боль в сведенных судорогой ногах.

В начале лета я подал заявление на работу в Департамент дорожного строительства штата Невада. В конторе по трудоустройству мне выдали какую-

то бумагу, поставили штамп об испытательном найме и послали к начальнику участка Харви Блокеру. Это был крепкий высокий мужчина, дочерна опаленный невадским солнцем, в потертых джинсах, пыльных грубых ботинках и синей футболке с отрезанными рукавами и выразительной надписью «ЖИЗНЬ – ДЕРЬМО» на груди. Под его загорелой кожей перекачивались внушительные бугры мышц. Он посмотрел на мое направление, потом – на меня и заржал. В его кулаке бумажка с направлением казалась просто микроскопической.

– Ты, дружок, дурака, что ли, валяешь? Или просто больной? У нас тут пустыня. Жара и солнце. Это дерьмо не для бледной поганки с портфельчиком. Ты себя в зеркале видел? Кто ты по жизни вообще? Бухгалтер?

– Учитель, – сказал я. – Третьего класса.

– Ой, милашка, – опять заржал он. – Шел бы ты, парень, куда подальше, а?

У меня были карманные часы – еще от прадеда остались, того, который укладывал последние звенья трансконтинентальной железной дороги. Семейная легенда гласит, что он присутствовал при забивке последнего золотого костыля. Я извлек часы из кармана и покачал ими перед носом у Блокера.

– Видишь штучку? Шестьсот долларов стоит, если не все семьсот.

– Это что, взятка? – Блокер снова расхохотался. Любил он поржать от души. – Мужик, я слышал о людях, которые с дьяволом заключают, там, всякие сделки, но впервые встречаю придурка, который пытается всучить взятку, чтобы попасть в ад. – Теперь он смотрел на меня с искренним сочувствием. – Тебе кажется, будто ты знаешь, куда лезешь, но я тебя говорю: ни хрена ты не знаешь! Я сам лично видел, как в июне в районе Индиан-Спрингс термометр зашкаливал за 170 градусов[3 - по Фаренгейту. – Примеч. пер.]. Мужики и покруче тебя рыдали. А ты, братуха, совсем не крут. Мне даже не надо к тебе под рубашку заглядывать, чтобы представить твою якобы мускулатуру, подкачанную в физкультурном зале. Ты не долго протянешь в Большой Пустоши.

– Дай мне хотя бы попробовать. Если ты скажешь, что я не тяну, я тут же уйду. А часы все равно возьми. Просто так, – сказал я.

– Все ты врешь, хрен конторский.

Я смотрел на него. Он тоже смотрел на меня.

Долго смотрел, внимательно.

- Нет, ты не врешь, - удивленно вырвалось у дорожника.

- Нет.

- Отдашь часы на хранение Тинкеру? - Он ткнул пальцем в направлении толстого негра в рубашке, завязанной узлом на пузе. Он сидел неподалеку в кабине бульдозера и прислушивался к разговору, поглощая фруктовый пирог из «Макдоналдса».

- А ему можно доверять?

- Издеваешься?

- Тогда пусть часы будут пока у него. Пока ты меня не вышвырнешь, или я не вернусь в сентябре к себе в школу.

- А моя ставка?

Я указал на направление, смятое у него в кулаке.

- Подпиши эту бумажку.

- Нет, ты точно больной.

Я промолчал, думая о Долане и Элизабет.

- Начнешь с самой дерьмовой работы, - предупредил Блокер. - Будешь идти пешочком за грузовиком и засыпать горячим асфальтом дыры и трещины в покрытии. Не потому, что мне так понравились твои часы... хотя часики ничего себе, да... просто так все начинают.

- Согласен.

- Пока до тебя не дойдет, приятель.

- До меня уже дошло.

Блокер скривился.

- Нет. Ты пока ни во что не въезжаешь. Но скоро ты все поймешь.

Он был прав.

Первые две недели растянулись в сплошной кошмар. Я почти ничего не помню: только взмахи лопатой и жар горячего асфальта, который я закидывал в ямки, тщательно утрамбовывал и топал дальше за грузовиком – до следующей выбоины. Пару раз мы работали на Стрип, и я слышал доносившийся из казино звон автоматов, извещавших о выпадавшем джек-поте. Я уверен, что частенько эти пронзительные колокольчики звенели только в моей несчастной голове. Я поднимал глаза и видел Харви Блокера, который смотрел на меня с тем же странным сочувствием. Его лицо дрожало и искажалось в зыбком мареве, поднимавшемся от раскаленной дороги. Иногда я натыкался взглядом на Тинкера, который сидел под холщовым навесом, покрывавшим кабину его бульдозера, и тогда он вынимал из кармана прадедушкины часы и крутил их на цепочке, рассыпая веера солнечных зайчиков.

Почти все мои силы уходили на то, чтобы не хлопнуться в обморок. Держаться, несмотря ни на что. Я продержался весь июнь и первую половину июля, пока однажды – в обеденный перерыв – ко мне не подсел Блокер. Я как раз пытался есть сэндвич, с трудом удерживая его в трясущейся руке. Иногда эта дрожь не унималась аж до десяти вечера. Все из-за жуткой жары. Либо дрожь, либо обморок. Но я думал о Долане и умудрялся держаться. Как – сам не знаю. Но у меня получалось.

- Ты все равно еще слабоват, парень, – сказал Блокер.

- Да. Но как говорил мой старинный приятель, видел бы ты, с чего я начинал.

– Я все жду, когда ты брякнешься посреди дороги, и никак не дождусь. Но когда-нибудь ты сломаешься.

– Нет. Не дождетесь.

– Да, да и еще раз да! Если ты так и будешь ходить с лопатой за самосвалом, то точно сломаешься.

– Нет.

– Самое горячее время еще впереди, приятель. «Работенка на противне», так это у нас называется. Тинк придумал.

– Я буду в порядке.

Он что-то достал из кармана. Часы моего прадеда. Вложил мне в ладонь.

– Убери эту хрень. Мне они не нужны.

– А как же наш договор?

– Я его разрываю.

– Если ты меня уволишь, я подам в арбитражный суд. – Меня несло. – Ты подписал мое направление. Ты...

– Я тебя не увольняю, – сказал он, глядя в сторону. – Я перевожу тебя к Тинку. Будешь учиться работать на фронтальном погрузчике.

Я долго смотрел на него, не зная, что сказать. Сейчас мой школьный класс, уютный и прохладный, казался куском из какой-то совсем другой жизни... Но я все равно не въезжал, о чем думает Блокер и что он имел в виду, когда сказал то, что сказал. Я так понял, что он оценил мою настойчивость и упорство и даже зауважал меня, но в его уважении был и оттенок презрения, и я понятия не имел, какие были тому причины. А тебе что до этого? – заговорил у меня в голове голос Элизабет. Самое главное – это Долан. Помни про Долана.

- А зачем тебе это? - выдавил я наконец.

Он повернулся ко мне, смущенный и взбешенный одновременно. Хотя бешенства было значительно больше.

- Да что с тобой, парень? За кого ты меня принимаешь?

- Я не...

- Думаешь, я собираюсь тебя ухайдакать ради каких-то гребаных часов?! Ты и вправду так думаешь?

- Извини.

- Да уж. «Извини». Вежливый ты сукин сын. Усрать можно, какой ты вежливый.

Я убрал часы в карман.

- Тебе никогда не стать сильным, приятель. Есть деревья и люди, которые запросто переносят жару. Но есть, которые сохнут и умирают. Ты умираешь. И сам это знаешь, но в тень не уходишь. Почему? Зачем ты себя гробишь?

- Есть причины.

- Есть, верю. И спаси Господи всякого, кто попытается встать у тебя на пути.

Он встал и ушел.

Зато подошел, ухмыляясь, Тинкер.

- Как думаешь, с погрузчиком справишься?

- Думаю, справлюсь.

- Я тоже так думаю, - усмехнулся он. - Старине Блоку ты нравишься, он просто не знает, как это выразить.

– Да, я заметил.

Тинк рассмеялся.

– А ты крутой маленький живчик, а?

– Надеюсь.

Остаток лета я провел за рулем погрузчика, а когда вернулся осенью в школу – черный, почти как сам Тинк, – надо мной перестали смеяться. Иногда на меня как-то странно поглядывали украдкой, но никто не смеялся.

«Есть причины». Так я сказал Блокеру. И причины действительно были. Я угробил весь отпуск в аду не просто так. Нужно было набраться сил. Для дела. Чтобы вырыть могилу для человека, столь радикальные меры, наверное, излишни, но я имел в виду не человека.

Я собирался похоронить этот проклятый «кадиллак».

С апреля следующего года я подписался на почтовую рассылку Дорожной комиссии штата. Каждый месяц мне приходил бюллетень под названием «Дорожные знаки Невады». Большую часть информации я пропускал – планы по улучшению состояния трасс, данные о проданном или закупленном оборудовании, наблюдения за передвижением дюн и описания новых технологий предотвращения эрозии. То, что мне было нужно, помещалось обычно на двух последних страницах. Этот раздел – с незамысловатым названием «Календарь» – содержал расписание дорожных работ на ближайший месяц. Особенно меня интересовали даты и участки, обозначенные аббревиатурой РДП. Ремонт дорожного покрытия. По опыту в бригаде у Харви Блокера я знал, что при этих работах как раз и устраивают объезды. Часто, но не всегда. Далек не всегда. Дорожная комиссия никогда не закроет участок трассы, если есть другой выход. Но рано или поздно эти три буквы станут эпитафией для Долана. Три буквы. Самые что ни есть обыкновенные буквы, но они часто мне снились: РДП.

Конечно, исполнить задуманное будет совсем не легко. И я даже не знаю, когда это будет. Не исключено, что ждать мне придется долго. Может быть, не один год. А за это время всякое может случиться. Например, кто-то другой разберется с Доланом раньше. Он был из породы злодеев, а у злодеев опасная жизнь. Для того, чтобы всё получилось, должны сойтись целых четыре вектора, слабо связанных между собой. Сочетание редкое, наподобие парада планет: очередная поездка Долана, мой отпуск, национальный праздник и три выходных подряд.

Может быть, через несколько лет. Может, вообще никогда. Но у меня было предчувствие – даже уверенность, – что когда-нибудь это произойдет и что, когда придет время, я буду готов. И в конце концов все сложилось одно к одному. Не тем летом, не осенью и даже не следующей весной. Но в июне этого года я открыл «Дорожные знаки Невады» и прочитал в «Календаре»:

1 июля – 22 июля (предварит.)

шоссе № 71 км 440–472 (зап. напр.) РДП

Трясущимися руками я пролистал свой ежедневник и выяснил, что Четвертое июля в этом году приходится на понедельник.

Вот и сошлись три из четырех обязательных векторов, потому что при таких масштабных работах обязательно где-то поставят объезд.

Но Долан... Как быть с Доланом? С четвертым вектором?

На моей памяти он трижды ездил в Лос-Анджелес на Четвертое июля – в Лас-Вегасе в это время делать нечего. Три раза он ездил куда-то еще – в Нью-Йорк, в Майами, а один раз даже в Лондон. А еще один раз он просто остался в Вегасе.

Если он поедет...

Но как это выяснить?

Я долго искал ответ на этот вопрос, но в голове у меня постоянно вертелись две картины. Я представлял долановский «кадиллак», мчащийся на закате по шоссе № 71 и тянущий за собой длинную тень. Вот он пролетает щиты с надписью «ОБЪЕЗД», последний из этих щитов уведомляет о необходимости отключить радиостанции и радиотелефоны. Потом он едет мимо дорожных машин: бульдозеров, грейдеров, погрузчиков и катков, – брошенных на обочине. Брошенных не потому, что закончился рабочий день, а потому, что сейчас выходные. Целых три дня выходных.

Вторая картина была такой же, только без знаков объезда. Их не было, потому что я их убрал.

Ответ – как это нередко бывает – пришел внезапно. Как сейчас помню: в самый последний день учебного года. Я сидел на уроке и чуть ли не дремал, мысли витали далеко от школы и Долана, как вдруг одна мысль пронзила меня, как заноза, и заставила резко выпрямиться на стуле. Я даже разбил вазу, стоявшую на столе (в ней были красивые полевые цветы, которые собрали для меня ученики – подарок к окончанию учебного года). Кое-кто из моих третьеклассников, тоже уже засыпавших, вскинулся и уставился на меня. У меня было такое лицо, что один из мальчишек, Тимоти Урих, испугался и разревелся, так что пришлось его успокаивать.

Простыни, думал я, утешая Тимми. Простыни и наволочки, мебель и столовое серебро, ковры и газоны – все должно быть в порядке. Он это любит.

Естественно. Все должно быть в порядке. В этом – весь Долан. Любовь к порядку – такая же неотъемлемая часть его личности, как и пристрастие к серым «кадиллакам».

Я заулыбался, и Тимми – тоже. Но я улыбался не Тимми. Я улыбался Элизабет.

Последний семестр закончился 10 июня. Через двенадцать дней я улетел в Лос-Анджелес. Взял напрокат машину и поселился в том же дешевом мотеле, где останавливался и раньше. Три дня подряд я ездил в Голливуд-Хиллс следить за домом Долана. О круглосуточной слежке не могло быть и речи – меня бы заметили. Богачи нанимают специальных людей, чтобы те вычисляли слишком уж любопытных. Эти «праздные зеваки» частенько бывают опасны.

Как я, например.

Сначала все было тихо. Ставни на окнах не заперты на замки, двери не заколочены, трава на лужайке не переросла допустимый стандарт – Боже упаси! – вода в бассейне, вне всяких сомнений, чистая и хлорированная. Но при этом на всем лежал отпечаток неприкаянности и пустоты: занавеси опущены, машин во дворе не видно, в бассейне, который ежедневно чистил молодой длинноволосый парень, никто не плавал.

Я уже начал сомневаться в успехе «нашего безнадежного предприятия», но все-таки не уезжал. Я страстно желал и надеялся, что мне повезет и четвертый вектор появится.

И вот 29 июня – когда в перспективе уже замаячили новые годы длительного ожидания, слезки и летней работы в бригаде Харви Блокера (при условии, что он возьмет меня на работу), – к воротам долановского дома подкатила синяя машина с надписью «Охранные службы Лос-Анджелеса» на борту. Из нее вылез мужик в униформе, который открыл ворота и загнал машину во двор. Потом он закрыл ворота изнутри.

Ну хоть какая-то подвижка.

Я завел машину и заставил себя два часа кряду кататься по окрестным улицам. Потом я вернулся к дому Долана, только на этот раз остановился подальше – в начале квартала. А еще минут через пятнадцать к воротам подъехал голубой микроавтобус с надписью «Чистка и уборка от Большого Джо». Сердце бешено колотилось у меня в груди. Я смотрел на фургон в зеркало заднего вида, крепко вцепившись руками в руль.

Из фургончика вышли четыре женщины: две белые, одна негритянка и одна мексиканка. Все были в белом, как официантки. Только это были, конечно же, не официантки, а просто уборщицы.

Охранник вышел на звонок и открыл ворота. Все пятеро потолклись на входе, перешучиваясь и смеясь. Охранник даже попытался ущипнуть одну из женщин, и она со смехом шлепнула его по руке.

Одна из уборщиц вернулась в машину и тоже загнала ее во двор. Остальные пошли дальше, увлеченно о чем-то болтая. Охранник запер ворота.

Пот заливал мне лицо – жирный и липкий пот. Сердце разрывалось на части.

В зеркало не было видно уже ничего. Я рискнул оглянуться: задние дверцы микроавтобуса были распахнуты настежь. Одна из женщин несла стопку простыней, другая – стопку полотенец, третья – пару пылесосов. Они подошли к дому, и охранник впустил их внутрь.

Я уехал, с трудом удерживая руль – так сильно меня колотило.

Они открывают дом. Он все-таки приезжает.

Долан уже давно не менял машину. К концу этого июня его серый седан «девиль» катался уже третий год. Я точно знал его габариты – даже обращался за информацией в «Дженерал моторс», написал, что я журналист и пишу статью. Они выслали мне руководство пользователя и спецификации по модели интересующего меня года. Даже вернули мой конверт с марками, который я приложил к письму. Большие компании держат марку, даже когда вылетают в трубу.

Потом я пришел к своему приятелю, преподавателю математики в старших классах, и показал ему эти размеры – ширину, длину и высоту «кадиллака». Я уже говорил, что начал заранее готовиться к осуществлению своих планов, и в подготовку входили не только физические упражнения.

Я представил ему проблему как чисто гипотетическую. Кажется, я сказал, что пытаюсь написать фантастический рассказ и хочу быть точным в фактах. Даже показал ему кое-какие наброски сюжета – меня самого потрясла собственная изобретательность.

Друг спросил, с какой скоростью будет передвигаться мой инопланетный разведывательный экипаж. Такого вопроса я не ожидал и удивленно спросил, неужели и это важно?

– Ну конечно! А как же! Если ты хочешь, чтобы твой транспортер влетел точно в ловушку, она должна быть определенных размеров. Ты мне задал конкретные размеры: семнадцать на пять футов.

Я открыл было рот, чтобы пояснить, что это не точная цифра, но он поднял руку.

– Это так, приблизительно, только приблизительно. Просто так легче вычислить траекторию.

– Какую траекторию?

– Траекторию падения, – пояснил он, и меня вдруг пробрал озноб. Человек, заикливший на мести, может влюбиться в такую фразу. Какой темный, зловещий звук... Траектория падения.

Я-то думал, что все будет проще: если вырыть могилу таких размеров, чтобы в ней поместился «кадиллак», то он там и поместится. Но теперь, в разговоре с приятелем, до меня начало доходить, что эта могила сначала должна сработать в качестве ловушки.

Форма ямы тоже имеет значение, сказал он мне. Тот окоп, который я представлял себе изначально, может и не сработать – вероятность тут пятьдесят на пятьдесят.

– Если эта твоя тарантайка не попадет точно в раствор траншеи, она просто скользнет по краю, наскочит и остановится. А когда она остановится, инопланетяне выберутся наружу и перебьют всех твоих героев.

Тут хитрость в том, сказал он, чтобы расширить раствор и придать яме форму воронки.

И еще необходимо учесть скорость.

Если «кадиллак» будет идти слишком быстро, а яма окажется слишком короткой, то он просто перелетит через нее, заденет край днищем или колесами, может быть, перевернется, упав на крышу, но не упадет в яму полностью. С другой стороны, если машина поедет медленно, а яма будет опять

же короткой, то автомобиль просто скатится вниз и уткнется носом в дно – вместо того чтобы встать на колеса, – а так не пойдет. Потому что нельзя зарыть в землю машину с бампером, возвышающимся на два фута над краем ямы. Это все равно что похоронить человека, оставив его ноги торчать из земли.

– Так с какой скоростью будет ехать этот твой... экипаж?

Я быстренько прикинул в уме. На шоссе водитель Долана держится где-то между шестьюдесятью и шестьюдесятью пятью. Там, где я думаю повернуть свое дело, скорость будет ниже. Я уберу знаки объезда, но спрятать всю дорожную технику я, конечно же, не смогу, как и убрать все щиты, предупреждающие о дорожных работах.

– Ну, где-то двадцать руллов.

– А в переводе на наши? – улыбнулся мой друг.

– Допустим, пятьдесят земных миль в час.

– Ага! – Он принялся за вычисления, скрипя фломастером, а я сидел рядом, и улыбался, и вновь и вновь повторял про себя эту чудесную фразу: траектория падения.

Закончил он быстро. Отложил фломастер и взглянул на меня:

– Знаешь, по-моему, тебе стоит изменить размеры этой твоей тарантайки.

– Это еще почему?

– Семнадцать на пять – для разведчика великовато. Это почти как «Линкольн Марк IV»! – засмеялся он.

Я засмеялся тоже. Так мы вместе и хохотали.

Я улетел обратно в Лас-Вегас в тот же день, когда увидел, как в дом к Долану входят женщины с простынями и полотенцами.

Когда я приехал домой, я первым делом бросился к телефону. Руки немного дрожали. Девять лет я ждал и следил. Как паук под карнизом, как мышь за обшивкой стены. Я никак себя не проявлял. Я старался не давать Долану ни малейшего повода заподозрить, что муж Элизабет все еще интересуется им. Тот пустой, безразличный взгляд, которым он одарил меня во время нашей случайной встречи на шоссе – как бы он меня ни взбесил, – все-таки это был результат моих стараний.

Но теперь мне пришлось рискнуть. Потому что я не мог находиться в двух разных местах одновременно, а чтобы на время убрать объезд, мне надо было знать точно, едет ли Долан, а если едет, то когда.

Я продумал план в самолете. Мне казалось, он должен сработать. Я сделаю все, чтобы он сработал.

Я позвонил в справочную службу Лос-Анджелеса и узнал номер «Чистки и уборки от Большого Джо». Потом позвонил туда.

– Здравствуйте, меня зовут Билл, я из «Ренниз Катеринг». В субботу мы обслуживаем вечеринку в доме 1121 по Астер-драйв. Вы не могли бы послать кого-нибудь посмотреть... Там должна быть такая большая чаша для пунша на полочке над камином.

Меня попросили подождать, что я и сделал, хотя с каждой бесконечной секундой я все больше и больше утверждался в мысли, что мой собеседник почуял подвох и звонит сейчас в телефонную компанию по другой линии, пока я жду на этой.

Наконец – через целую вечность – он вернулся. Голос был расстроенный и слегка раздраженный, но это нормально. На это я и рассчитывал.

– В субботу вечером?

– Да, в субботу. У нас нет такой чаши, которую они хотят, мне придется весь город обзванивать... Мне показалось, что у него самого есть такая чаша, но хотелось бы удостовериться.

– А у меня тут записано, что мистер Долан приедет не раньше трех часов пополудни в воскресенье. Я с удовольствием вам помогу и пошлю кого-нибудь из девочек поискать эту вашу чашку, но вначале хотелось бы разобраться. Мистер Долан не тот человек, с которым можно хлебалом щелкать, прошу прощения...

– Не могу с вами не согласиться.

– И если он приезжает на день раньше, мне нужно послать туда больше людей. Причем немедленно.

– Погодите, я тоже сначала перепроверю. – Я зашуршал страницами хрестоматии для третьего класса «Открыты все пути». Так, чтобы это было слышно в трубке. – Вот черт! Ошибочка вышла. Вечеринка действительно в воскресенье. Прошу прощения. Бить будешь?

– Да ладно... Ты давай подожди пока на телефоне, а я сейчас звякну туда и скажу девочкам, пусть проверят, есть ли там это твое корыто...

– Да не надо тогда. Утром в воскресенье у нас уже будет такая чаша, вернется со свадьбы в Глендейле. Так что все путем.

– Ну ладно, как скажешь. – Спокойный голос. Неподозрительный. Голос человека, который положит трубку и сразу забудет, кто звонил и зачем.

Будем надеяться.

Я повесил трубку и еще долго сидел, тщательно продумывая план дальнейших действий. Чтобы приехать в Лос-Анджелес к трем, он должен выехать из Вегаса где-то в десять утра. К началу объезда он подъедет между одиннадцатью пятнадцатью и одиннадцатью тридцатью, когда движения на дороге практически не будет.

Время мечтаний и размышлений прошло. Теперь пора действовать.

Я составил список необходимого оборудования, сделал пару звонков и поехал выбирать подержанную машину, которая была бы мне по карману. Из пяти вариантов я остановился на разболтанном фордовском микроавтобусе, сошедшем с конвейера в год убийства Элизабет. Заплатил наличными. После этого у меня на счету осталось только двести пятьдесят семь долларов, но меня это мало заботило. По дороге домой я заехал в магазин инструментов и взял напрокат небольшой компрессор, оставив в залог кредитную карточку.

В пятницу, ближе к вечеру, я загрузил фургончик: кирки, лопаты, компрессор, тележка, ящик с инструментами, бинокль, отбойный молоток с набором пик для вскрытия асфальта, одолженный у Управления дорожного строительства (без его ведома), большой прямоугольный кусок холста песочного цвета, плюс длинный рулон простого холста – у него было особое предназначение – и двадцать одна распорка, каждая длиной пять футов. И как говорится, последний в списке, но не последний по значимости, большой промышленный степлер.

На самом краю пустыни я остановился у торгового центра, отвинтил номера у одной из машин на стоянке и навесил их на свой фургончик.

В семидесяти шести милях к западу от Лас-Вегаса я увидел первый оранжевый знак: «ВПЕРЕДИ ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ. ПРОЕЗД ОГРАНИЧЕН». Через милю показался знак, которого я ждал с... наверное, с момента смерти Элизабет, хотя тогда я этого еще не знал.

«6 МИЛЬ ДО ОБЪЕЗДА».

Сумерки постепенно сгустились. Так что когда я приехал на место, мне пришлось все осматривать уже в полутьме... Надо было мне это предусмотреть, но теперь уже ничего не сделаешь.

Объезд уводил направо между двумя возвышениями. Он представлял собой старую огражденную грунтовку, сглаженную и расширенную дорожниками для большей пропускной способности. Мигающая стрелка-указатель была запитана от батареи, запертой в стальном ящике.

Сразу за развилкой, в начале второго подъема, шоссе было перекрыто линией дорожных конусов, выставленных в два ряда. За ними (для особенно выдающихся индивидуумов, которые, во-первых, не заметили мигающую

стрелку, а во-вторых, переехали конусы; наверняка есть и такие клинические идиоты) у дороги стоял громадный оранжевый щит: «ПРОЕЗД ЗАКРЫТ. ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ОБЪЕЗДОМ».

Однако причина объезда отсюда была не видна, что было мне на руку. Мне совсем не хотелось, чтобы у Долана возникли какие-то подозрения прежде, чем он попадет в ловушку.

Выскочив из машины, я начал быстро – не хотелось бы, чтобы меня тут застали, – собирать конусы, перекрывавшие путь. Потом перетащил вправо щит «ПРОЕЗД ЗАКРЫТ» и провел фургончик в образовавшуюся брешь.

Вдалеке послышался шум подъезжающей машины.

Я схватил в охапку полосатые конусы и бросился расставлять их обратно. Две штуки скатились в кювет, пришлось за ними бежать. Я оступился на камне и плашмя грохнулся на асфальт, еле успев подставить руки. Правда, я тут же поднялся – весь в пыли, с кровоточащей ладонью. Машина приближалась. Скоро она покажется на гребне ближайшего к развилке холма, и что водитель разглядит в свете фар? Какой-то тип в «штатской» футболке и джинсах носится как оглашенный по дороге и расставляет дорожные конусы, а его фургончик стоит в том месте, где, по идее, не должен стоять ни один автомобиль, не принадлежащий Управлению дорожного строительства штата Невада. Я водрузил на место последний конус и метнулся к щиту. Дернул слишком сильно, он закачался и чуть не упал.

Фары приближающейся машины уже освещали гребень восточного подъема, и я вдруг решил, непонятно, с какого перепугу, что это полицейская машина.

Щит встал на прежнее место – если и не совсем на прежнее, то достаточно близко, по-моему. Я запрыгнул в свой «форд» и, не включая огней, проехал немного вперед, пока не спустился в следующую ложбинку.

Видел он меня? В темноте, с выключенными габаритами и фарами?

Вряд ли.

Я откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и попытался унять бешеное сердцебиение. Мне это удалось, только когда грохот запрыгавшей по ухабам машины затих вдали.

Пора приниматься за дело.

После спуска начинался длинный ровный участок. Двух третей дороги просто не существовало – на месте развороченного асфальта громоздились кучи земли и широкие длинные россыпи гравия.

Что будет, когда они это увидят? Остановятся и повернут обратно? Или поедут дальше, уверенные, что там должен быть какой-то проезд, поскольку знаков об объезде нигде не было.

Ладно, теперь уже поздно об этом думать.

Я выбрал место ярдах в двадцати от начала ровного участка – до разобранного участка дороги оставалось где-то с четверть мили. Поставил фургончик к обочине, вышел и открыл задние двери. Чтобы вытащить оборудование, пришлось использовать пару досок. Потом я немного передохнул, глядя на звезды.

– Ну ладно. За дело, Элизабет, – прошептал я в холодное небо пустыни.

Мне показалось, что затылка коснулась невидимая ледяная рука.

Компрессор ужасно гремел, про отбойный молоток я вообще молчу – но тут ничего не поделаешь, оставалось надеяться, что до полуночи я успею закончить первый этап работы. Если же все затянется, я так и так окажусь в затруднительном положении, потому что запас бензина для компрессора у меня ограничен.

Конечно, мне не хотелось, чтобы кто-то услышал, как я тут вожусь, и задался вопросом, какой идиот долбит асфальт посреди ночи. Но лучше об этом не думать. Лучше думать о чем-то другом. О Долане. О сером седане «девиль».

О траектории падения.

Первым делом я разметил мелком размеры могилы, используя вычисления моего приятеля-математика и рулетку из набора инструментов. В результате на темном асфальте появился грубый белый прямоугольник шириной пять футов и длиной сорок два. Ближний конец расширился, но в темноте это не походило на ту воронку, которую начертил мой друг. Скорее, это напоминало раскрытую пасть на конце длинной голодной глотки. «Приятного аппетита», мысленно пожелал я ей, улыбаясь во тьме.

Я начертил еще двадцать поперечных линий, размечая полосы шириной по два фута, а потом провел длинную вертикальную черту точно посередине. Таким образом, у меня получилась решетка из сорока двух почти квадратов, два на два с половиной фута. Плюс еще один сегмент на конце, в форме лопаты. Всего, стало быть, сорок три.

Все. Закатав рукава, я запустил компрессор и приступил к первому квадрату.

Работа шла быстрее, чем я смел надеяться, но все-таки не так быстро, как мне бы хотелось – но так всегда и бывает, верно? Все пошло бы быстрее, если бы я мог воспользоваться специальным оборудованием, но всему свое время. Сначала нужно было снять покрытие, пробиться к открытому грунту. До полуночи я не закончил. И в три часа ночи – еще не закончил. А потом у меня сдох компрессор. Я это предусмотрел, и у меня был с собой шланг, чтобы перелить бензин из бака микроавтобуса. Я уже отвернул крышку бака, но резкий запах бензина меня отрезвил. Я закрутил крышку обратно, забрался в фургончик и улегся на пол в багажном отделении.

Все. На сегодня – все. Больше я не могу. Я работал в рукавицах, но все равно натер руки. Они покрылись огромными волдырями, причем некоторые уже прорвались и сочились жидкостью. Все тело словно продолжало вибрировать в ровном, ударном ритме отбойного молотка, руки гудели, как бешеные камертоны. Голова просто раскалывалась. Даже зубы болели. Спина вообще убивала: ее как будто набили битым стеклом.

Снято двадцать восемь квадратов.

Осталось четырнадцать.

И это только начало.

Нет, подумалось мне. Невозможно. Неосуществимо.

Опять это холодное прикосновение.

Да, дорогая. Да.

Звон в ушах немного утих; пару раз я даже услышал шум проезжавших машин... сначала он нарастал, а потом затихал вдали, когда автомобили сворачивали направо и направлялись в объезд зоны строительства.

Завтра суббота... нет, уже сегодня. Сегодня суббота. Долан едет в воскресенье. Времени нет.

Да, дорогая.

Взрыв разнес ее в клочья.

Мою любимую разнесло в клочья. Ее убили за то, что она рассказала полиции правду о том, что видела. За то, что она не испугалась, что она была смелой и принципиальной. Ее больше нет... а Долан живет, разъезжает на своем «кадиллаке», пьет виски двадцатилетней выдержки, сверкает золотым «Ролексом» на запястье.

Я постараюсь, подумал я и провалился в сон без сновидений, больше похожий на смерть.

Я проснулся в восемь утра. Солнце – уже невозможно жаркое – светило мне прямо в лицо. Я резко сел... и завопил от боли, судорожно схватившись за поясницу. Работать?! Выломать еще четырнадцать кусков асфальта?! Я даже ходить не могу.

Но я все же сумел подняться.

Встал и пошел.

Ковыляя, как древний старик к столику с домино, я дошел до кабины и выудил из бардачка обезболивающие таблетки. Я предвидел, что мне будет худо, и захватил с собой пузырек эмпирина.

А кто-то думал, что привел себя в форму? Наивный...

Смех, да и только.

Я принял четыре таблетки, запил водой, подождал пятнадцать минут и набросился на завтрак: сухофрукты и холодный пирог.

Компрессор и отбойный молоток дожидались меня на площадке. Похоже, желтая шкура компрессора уже раскалилась. По обе стороны от моего разреза громоздились аккуратные квадраты срезанного асфальта.

Мне совсем не хотелось вылезать туда на солнцепек и поднимать молоток. Но тут мне вспомнилось, что говорил Блокер: «Тебе никогда не стать сильным, приятель. Есть деревья и люди, которые запросто переносят жару. Но есть, которые сохнут и умирают. Ты умираешь. И сам это знаешь, но в тень не уходишь. Почему? Зачем ты себя гробишь?»

– Ее разорвало в клочья, – прохрипел я в ответ. – Я любил ее, а ее разорвало в клочья.

Как ободряющий лозунг это вряд ли бы превзошло «Вперед, Медведи!» или «Держитесь, Быки!», но на меня оно подействовало. Я перелил бензин из машинного бака, сполна насладившись его вонью и вкусом. Завтрак в желудке мне удалось удержать исключительно силой воли. Мелькнула кошмарная мысль, а что мне делать, если дорожники перед выходными слили солянку из баков своих машин, но постарался на ней не зацикливаться. Какой смысл беспокоиться о том, что от тебя не зависит. Все больше и больше я напоминал себе человека, который выпрыгнул из люка В-52[4 - В-52 – военный бомбардировщик ВВС США. – Примеч. пер.] с зонтиком вместо парашюта.

Я отнес канистру к компрессору и заправил его под завязку. Чтобы взяться за ручку стартера, мне пришлось левой рукой загибать пальцы правой. Потянув, я содрал волдыри на ладонях. Под кулаком показалась тягучие капли густого гноя.

Я не смогу.

Ну пожалуйста, дорогой.

Я взялся за отбойник и приступил к работе.

Хуже всего был первый час, потом вибрация молотка в сочетании с таблетками притупила боль. Все как будто онемело: спина, руки, голова. К одиннадцати я закончил с последним блоком. Пришло время вспомнить уроки Тинкера по работе с дорожной техникой.

Постанывая и шатаясь, я вернулся к фургончику, влез в кабину и проехал полторы мили вперед – к тому месту, где велись работы. «Свою» машину я заметил сразу: большой колесный погрузчик «Кейс-Джордан» с захватным приспособлением сзади. 135 000 долларов на колесах. У Блокера я водил «Катерпиллер», но разница, в общем, небольшая.

Будем надеяться.

Поднявшись в кабину погрузчика, я глянул на схему переключения скоростей на рукоятке рычага. Все так же, как на «Катерпиллере». Попробовал переключение – рычаг шел туго, должно быть, в коробку передач попал песок. Парень, который катался на этой малышке, не надел защитные колпаки от песка, а мастер его не проверил. Блокер проверил бы. И оштрафовал бы водилу на пять баксов, не делая скидку на длинные выходные.

Его глаза. В которых сдержанное уважение мешалось со сдержанным же презрением. Как бы он, интересно, отнесся к моим теперешним упражнениям?

Ладно. Сейчас не время размышлять о Харви Блокере. Сейчас надо думать об Элизабет. И о Долане.

На полу валялся кусок мешковины. Я поискал под ним ключ, но, разумеется, не нашел.

Но это я так уже – просто на всякий случай. Тинк научил меня, как заводить машину прямым соединением проводов. Он говорил: «Блин, да тут и ребенок справится. Вообще делать нечего. Сюда смотри. Да не туда... что ты уставился на замок?! Ключа-то нет, так на хрена тебе эта дырка?! Ниже смотри. Видишь, там провода свисают?»

Я посмотрел и увидел провода. Такие же точно, как мне показывал Тинкер: красный, голубой, желтый и зеленый. Я очистил от оплетки примерно по дюйму на каждом проводе, потом достал из заднего кармана медную скрутку.

«Ладно, приятель, слушай и запоминай. В вопросы-ответы потом поиграем, ага? Закорачиваешь красный и зеленый. Легко запомнить: зеленый и красный, как елка рождественская, сечешь? Зажигание ты подготовил».

Я замкнул своей проволокой оголенные места нужных проводов. Пустынный ветер тоненько завывал, как будто кто-то дул в горлышко пустой бутылки. Пот стекал мне за шиворот – это было щекотно.

«Теперь голубой и желтый. Их коротить не надо, просто соединяешь концы. И постарайся, пожалуйста, не схватиться за оголенные провода, если только не хочешь вскипеть, приятель. Желтый и голубой запускают стартер. Все, ты уже едешь. Когда накатаешься, просто расцепи красный и зеленый. Все равно что повернуть в замке ключ, которого у тебя нет».

Я свел желтый и голубой провода. Проскочила большая искра, я отпрянул и стукнулся головой о стальную пластину на стенке кабины. Потом я снова нагнулся и повторил попытку. Двигатель взревел, кашлянул, и погрузчик судорожно рванул вперед. Меня стукнуло о приборную доску, левой щекой я ударился о край руля. Идиот... забыл поставить передачу на нейтралку и чуть не потерял глаз. Тинк бы меня засмеял.

Переключив передачу, я попробовал еще раз. Мотор закрутился, но тут же заглох. Потом кашлянул, выпустил фонтан грязно-бурого дыма, тут же унесенный нестихающим ветром, и продолжал дергаться на холостых оборотах. Я упорно твердил себе, что машина просто в плохом состоянии – человек,

который бросает свой агрегат в пустыне без защитных колпачков, способен забыть что угодно, – но с каждой минутой во мне крепла уверенность, что дорожники таки слили дизтопливо, как я и боялся.

Когда я уже сдался и начал искать какую-нибудь длинную палку, чтобы проверить уровень топлива в баке (лучше знать, что тебе уготована гадость, чем пребывать в блаженном неведении), мотор наконец-то ожил.

Я отпустил провода – голубой уже дымился – и нажал на газ. Когда движок разошелся, я переключился на первую передачу, развернулся и поехал обратно, к длинному коричневому прямоугольнику, аккуратно выдолбленному в полотне полосы, ведущей на запад.

Остаток дня я провел в нескончаемом адском сиянии, в компании с ревущим двигателем и испепеляющим солнцем. Водитель «Кейс-Джордана» забыл надеть защитные колпачки, но тент с машины он забрал. Наверное, старые боги иногда хотят посмеяться. Без причины. Просто так. И чувство юмора у них какое-то нездоровое.

Я закончил переносить асфальтовые плиты в траншею только к двум часам дня – успехи в работе с захватными приспособлениями наблюдались довольно слабые. Особенно долго я провозился с лопатообразным участком в конце – пришлось резать каждый кусок пополам и перетаскивать руками. Захваты я не использовал – боялся сломать.

Когда все куски вырезанного покрытия были благополучно сложены в траншею, я отогнал погрузчик назад, к стоянке дорожной техники – горючее кончалось, нужно было дозаправиться. Остановившись возле своего «форда», я достал шланг... и застыл как истукан, упершись взглядом в канистру с водой. Я отложил шланг и забрался в фургончик. Полив водой лицо, грудь и шею, я завопил от восторга и удовольствия. Я знал, что если сейчас выпью хотя бы глоток, меня вывернет наизнанку, но удержаться не смог. Естественно, меня тут же вырвало – сил встать уже не было, я просто отвернулся от извергнутой лужи и отполз на карачках как можно дальше.

Потом я заснул и проснулся уже почти на закате. Где-то неподалеку выл волк – на молодой месяц, плывущий в пурпурном небе.

В догорающем свете дня участок, прорубленный в асфальте, действительно походил на могилу – могилу для какого-нибудь великана из древних мифов. Может быть, для Голиафа.

Я не смогу, сказал я длинной дыре в асфальте.

Пожалуйста, прошептала в ответ Элизабет. Пожалуйста... ради меня.

Я проглотил еще четыре таблетки обезболивающего.

– Ради тебя.

Я подогнал «Кейс-Джордан» вплотную к бульдозеру и содрал крышки с обоих баков, поддев их ломиком. Водила из федеральной дорожной службы может позволить себе смяться на праздники, не позаботившись защитить машину от песка... но не запереть на ключ крышку бака?! Сейчас, когда дизель идет по 1.05 доллара?! Да ни в жизнь!

Я пустил топливо из бульдозера в погрузчик и принялся наблюдать за неспешным восходом луны, стараясь не думать вообще ни о чем. Потом я забрался обратно в кабину, вернулся к будущей ловушке и начал копать.

Работать на погрузчике при свете луны оказалось намного легче, чем управляться с отбойным молотком под палящим солнцем, но процесс все равно шел медленно, потому что мне было нужно, чтобы яма имела определенный уклон. Как следствие, мне приходилось часто сверяться с предусмотрительно захваченным плотницким уровнем, что означало, что я останавливал погрузчик, спускался в котлован, производил необходимые измерения, поднимался наверх и забирался обратно в машину. Собственно, невелика проблема, но ближе к полуночи все мое тело задеревенело и на каждое движение отзывалось резкой болью. спине совсем поплохело; я уже начал бояться, что я там что-то себе повредил.

Но об этом – как и многом другом – я буду думать потом.

Если бы мне предстояло вырыть яму глубиной пять футов при размерах пять на сорок два, я бы и вправду загнулся. Это была бы задача действительно невыполнимая для одного человека, с погрузчиком там или без... С таким же успехом я мог бы планировать заслать Долана в космос или обрушить на него Тадж-Махал. Общий объем вынутого грунта составил бы более тысячи кубических футов.

«Тебе нужно сделать воронку, чтобы поймать этих твоих нехороших инопланетян, – говорил мой друг-математик, – причем наклон ее стенок должен идти по траектории падения».

Он вытянул новый лист чертежной бумаги.

«То есть твоим межгалактическим повстанцам, или кто они там у тебя, надо будет извлечь лишь половину первоначально рассчитанного объема. Получается... – Он опять заскрипел фломастером, а потом радостно заявил: – Пятьсот двадцать пять кубических футов. Кот наплакал. Даже один человек управится».

Когда-то я тоже в это верил, но не предусмотрел жары... волдырей... едких выхлопов... постоянной боли в спине.

Остановиться на пару минут. Измерить угол склона.

Это не так уж и трудно, правда? Ты думал, что будет гораздо хуже. Ведь это все-таки подстилка дорожного полотна, а не твердые пласты пород...

По мере того как яма становилась глубже, погрузчик все медленнее продвигался вперед. Когда я работал с рукоятками управления, ладони у меня кровоточили. Выжать до упора рычаг спуска, пока ковш не ляжет на землю. Потянуть его на себя и выжать другой, чтобы выдвинуть мощный гидроцилиндр. Наблюдать за тем, как яркий, лоснящийся от масла металл выезжает из грязной оранжевой трубы, вонзая ковш в землю. Мигающая лампочка. Зубья ковша, скользящие в пластах грунта. Теперь поднять ковш... повернуть его – продолговатый силуэт на фоне звездного неба (стараясь не обращать внимания на пульсирующую боль в шее и на кошмарную боль в спине)... и вывалить все в траншею, засыпая уже лежащие там квадраты асфальта.

Ничего, дорогой, руки ты перевяжешь, когда все будет кончено. Когда с ним будет кончено.

– Ее разорвало в клочья! – хрипло выкрикнул я и метнул ковш обратно, чтобы зачерпнуть очередные двести фунтов земли и гравия из могилы Долана.

Как летит время, когда ты развлекаешься и веселишься!

Когда чернота на востоке окрасилась первыми бледными проблесками рассвета, я в очередной раз спустился вниз, чтобы сделать замеры наклона строительным уровнем. Яма уже заканчивалась; похоже, я все-таки сделаю, что задумал. Я встал на колени, и тут у меня в спине хрустнуло, как будто там что-то оборвалось.

Я испустил глухой утробный крик и повалился на ровный склон, хватая ртом воздух и сжимая руками поясницу – средоточие боли.

Мало-помалу боль отступила, и я поднялся на ноги.

Ну вот и все. Кончен бал, подумал я. Попытка была неплохая, но это все.

Пожалуйста, милый, ответил мне шепот Элизабет. Я бы в жизни не поверил, что этот голос у меня в голове может звучать так неприятно. Но теперь в нем действительно появился оттенок какой-то чудовищной непреклонности. Не сдавайся, прошу тебя. Продолжай!

Продолжать копать?!! Я даже не знаю, смогу ли ходить!

Но осталось уже совсем мало! – буквально взвыл голос. Только это уже был не просто голос Элизабет, это была она сама. – Совсем-совсем мало, милый!

Я взглянул на выкопанную траншею и медленно кивнул. Она права. Погрузчик не дошел до конца футов пять, максимум – семь. Но это были самые глубокие пять – семь футов; самые тяжелые пять – семь футов.

Ты сможешь, дорогой. Я знаю, что сможешь.

Тонкая лесть.

На самом деле вовсе не ее голос заставил меня продолжать. Я представил себе Долана, спящего там у себя в пентхаузе, и себя, стоящего на дне ямы рядом с вонючим и тарахтящим погрузчиком, с ног до головы покрытого грязью, с разодранными в кровь руками. Я представил, как Долан лежит в постели, в шелковых пижамных штанах, рядом с одной из своих блондинок, на которой надета только пижамная куртка.

А внизу, в остекленной шикарной секции гаража, стоит «кадиллак», уже загруженный багажом и готовый к дороге.

– Ну хорошо, – сказал я, медленно вскарабкался в кабину погрузчика и нажал на газ.

Я продолжал копать до девяти утра, потом бросил это увлекательное занятие – мне еще многое надо было успеть, а время поджимало. Мое творение протянулось на сорок футов. Этого должно хватить.

Я отогнал погрузчик обратно – он мне еще понадобится, но придется опять переливать солянку, а на это сейчас нет времени. Еще мне нужно было принять болеутоляющее, но в пузырьке оставалось не так уж много таблеток, и я решил приберечь их на потом. Они мне сегодня еще понадобятся. Сегодня... и завтра. О да. Завтра. Понедельник – благословенное Четвертое июля.

Вместо того чтобы жрать таблетки, я устроил себе пятнадцатиминутный отдых. Нужно было больше, я знаю, но я заставил себя ограничиться четвертью часа. Вытянулся в кузове микроавтобуса – мои перенапрягшиеся мышцы судорожно подергивались, – закрыл глаза и стал думать о Долане.

Сейчас он, наверное, завершает последние приготовления, покупает последние мелочи – газеты в дорогу, туалетные принадлежности, может быть, книжку в мягком переплете или колоду карт.

А если на этот раз он полетит самолетом? – прошептал подленький внутренний голос, и я не смог удержаться – у меня вырвался стон. Долан еще ни разу не

летал в Лос-Анджелес, он всегда ездил на машине, на своем «кадиллаке». Я так думаю, он не любил самолеты, хотя иногда все же летал – вот в Лондон, например. Эта мысль никак не хотела уходить – она свербила в мозгу и чесалась и дергала, словно заживающая ранка.

В половине десятого я вытащил из фургончика рулон холста, большой мебельный степлер и распорки. Облака затянули небо, стало заметно прохладнее – Бог иногда посылает и благодать ничтожным смертным. До этой минуты я и думать забыл о своей лысине – у меня хватало других болячек, – но сейчас, прикоснувшись к ней, я тут же со стоном отдернул пальцы. Посмотревшись в наружное боковое зеркало, я увидел, что она стала красной – почти сливовой.

В Вегасе Долан сейчас делает последние звонки. Шофер подгоняет «кадиллак» к парадному подъезду. Нас разделяют всего лишь семьдесят пять миль, и уже очень скоро серый «кадиллак» начнет сокращать это расстояние со скоростью шестьдесят миль в час. У меня нет времени стоять тут и плакать над своей обоженной лысиной.

Я люблю твою обоженную лысину, сказала Элизабет.

– Спасибо, Бет, – отозвался я, подхватил распорки в охапку и потащил их к яме.

По сравнению с земляными работами то, что предстояло теперь, было сущей безделицей. Почти непереносимая разрывающая боль в спине теперь превратилась в непрестанную тупую пульсацию.

А что потом? – допытывал вкрадчивый голос. – Что с тобой будет потом?

Об этом я подумаю потом, вот и все. Ловушка приобретала законченный вид, и сейчас это было главное.

Распорки перекрывали дыру с небольшим запасом, которого как раз хватало, чтобы закрепить края в асфальте, окружавшем яму. Ночью это была бы дьявольская работенка, но сейчас разогретый асфальт был податлив и мягок, и

деревяшки входили в него, как карандаши в растаявшую ириску.

Когда я закрепил все распорки, ловушка обрела вид моей изначальной меловой разметки, исключая длинную линию посередине. Я подтащил к мелкому краю ямы рулон холста и снял крепившие его веревки.

Затем я развернул сорок два фута шоссе № 71.

При близком рассмотрении иллюзия была вовсе не идеальной – так фальшиво и нарочито выглядят театральные декорации и грим актеров с первых трех рядов партера. Но с расстояния в несколько ярдов обнаружить подделку было уже невозможно. Это была темно-серая полоса, не отличавшаяся от настоящего покрытия. С левого края ее перерезал желтый пунктир дорожной разметки.

Я раскатал полосу холста по деревянному остову, потом медленно прошелся по всей длине имитации, прибивая холст степлером к распоркам. Руки отказывались работать, но я знал, как себя заставить.

Закрепив холст, я вернулся в фургончик, скользнул за руль (поимев очередной очень болезненный спазм) и отъехал на гребень возвышения, отделявшего «мой» участок шоссе от развилки. Там я заглушил двигатель и почти минуту разглядывал свои лежащие на коленях, распухшие и окровавленные ладони. Потом я вылез и почти машинально взглянул назад. Я не хотел фокусироваться на какой-то отдельной детали – мне нужна была цельная картина, гештальт, если хотите. Ландшафт глазами Долана и его людей, каким они его увидят, спускаясь с возвышения. Мне хотелось понять, насколько обычной – или насколько необычной – покажется им эта картина.

То, что я там увидел, превзошло мои самые радужные ожидания.

Тяжелая дорожная техника в дальнем конце ровного участка объясняла кучи земли, появившиеся в результате моей работы. Куски вынутого асфальта были почти погребены под гравием и землей, кое-где они виднелись – ветер постарался, – но это выглядело как остатки прежнего ремонта. Привезенный мной компрессор вполне мог быть оборудованием Дорожного управления.

А иллюзия дороги, устроенная при помощи полосы холста, оказалась идеальной – отсюда шоссе № 71 казалось совершенно нетронутым.

Движение было очень плотным в пятницу и относительно плотным – в субботу. Гул моторов, приближавшихся к объезду, почти не стихал. Однако утром в воскресенье движения практически не было; большинство людей уже добрались до мест, где собирались встречать День независимости, или ехали по федеральной автостраде, в сорока милях к югу отсюда. Мне это было лишь на руку.

Я припарковал «форд» чуть ниже горба дороги, где он был не виден с шоссе, и провалялся на животе до десяти сорока пяти. Потом – как раз после того, как большой молочный фургон медленно прогромыхал в объезд через развилку, – я поднялся, проехал вперед и закинул в кузов все дорожные конусы.

Мигающая стрелка была куда более серьезной проблемой – сначала я даже не понял, как ее отсоединить от питания, не перекусывая проводов, и только потом углядел разъем. Он был почти закрыт эбонитовым кольцом, привинченным к знаку сзади... Небольшая страховка от вандалов и шутников, решивших, что отключить этот знак на шоссе – выдумка очень забавная.

В ящике с инструментами я раскопал молоток и зубило. Четырех хороших ударов вполне хватило, чтобы расколоть кольцо. Вытащив остатки плоскогубцами, я отключил кабель. Стрелка перестала мигать и потухла. Блок питания я оттащил к траншее и закопал. Стоять рядом и слышать, как он жужжит, засыпанный песком, было довольно странно. Но подумав о Долане, я расхохотался.

Думаю, Долан жужжать не будет.

Кричать – да, вероятно. Но не жужжать.

Стрелка крепилась к невысокой подставке на четырех болтах. Я постарался открутить их побыстрее, постоянно прислушиваясь, не гудит ли следующая машина. Пора бы кому-то уже проехать. Но пока – не Долану. Долану еще рано.

Опять проснулся мой внутренний пессимист.

А что, если он полетел самолетом?

Он не любит летать.

А что, если он поехал другой дорогой? По федеральной автостраде, например. Сегодня все едут...

Он всегда ездит по 71-му.

Да, но что, если...

– Заткнись, – вскипел я. – Заткнись, мать твою!

Тише, тише, дорогой! Все будет в порядке.

Я зашвырнул стрелку в кузов «форда». Она врезалась в стенку изнутри, раздавив несколько лампочек. Еще больше ламп лопнуло, когда следом за ней полетела рама.

Покончив со стрелкой, я повел фургончик обратно в подъем. На вершине я ненадолго остановился, чтобы взглянуть назад. Убрал стрелку и конусы, я уничтожил все признаки, что дорога закрыта – кроме большого оранжевого щита: «ПРОЕЗД ЗАКРЫТ. ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ОБЪЕЗДОМ».

Машина приближалась. Мне вдруг подумалось, что если Долан решил выехать пораньше, то все, что я сделал, пойдет насмарку. Остолоп, сидящий за рулем, просто свернет в объезд, а я останусь сходить с ума в пустыне.

Это был «шевроле».

Сердце немного успокоилось, я судорожно выдохнул воздух. Хватит. Не надо себя накручивать.

Доехав до места, с которого я оценивал маскировку ямы, я остановил машину и достал домкрат из груды всякой всячины, валявшейся в кузове. С трудом преодолевая пронзительную боль в спине, я поднял заднюю часть микроавтобуса, открутил болты, крепившие колесо, снял его – они увидят, что кто-то сломался, когда

(если)

будут проезжать, – и закинул внутрь. Раздался звон битого стекла. Мои запоздалые опасения повредить камеру придется проверять позже. Запаски у меня не было.

Я вернулся к кабине, достал бинокль и направился к развилке. Прошел развилку, с трудом забрался на вершину следующего подъема, шаркая и спотыкаясь, как древний старик. Поднявшись туда, я направил бинокль на восток.

С этого места были видны примерно три мили дороги, плюс еще некоторые отрезки на две мили восточнее. На шоссе сейчас находилось шесть машин, растянутых, как бусины на длинной нитке. Первой, на расстоянии меньше мили, ехала какая-то иномарка, «датсун» или «субару». За ней шел пикап, за пикапом – что-то похожее на «мустанг». Остальные обозначались лишь блеском хрома и стекла под солнцем пустыни.

Когда приблизилась первая машина – все-таки «субару», – я выставил руку, подняв большой палец. Разумеется, я и не предполагал, что меня в таком виде кто-нибудь подвезет, потому не был разочарован, когда женщина за рулем – дамочка с дорожкой прической, – испуганно взглянув на меня, вся напряглась и проехала вниз по склону, в объезд.

– Помойся сначала, приятель! – проорал мне водитель пикапа полминуты спустя.

«Мустанг» оказался на самом деле «эскортом». За ним проследовал «плимут», потом «виннебаго», в котором, если верить ушам, целая армия бесноватых детей затеяла подушечную войну.

Никаких признаков Долана.

Я посмотрел на часы. 11:25 утра. Если он вообще покажется, то это будет уже очень скоро. Его выход.

Стрелки часов медленно дотащились до 11:40, но Долана по-прежнему не было. Только «форд» последней модели и катафалк, мрачный, как грозовая туча.

Он не приедет. Поехал по федеральной автостраде. Или полетел.

Приедет.

Нет, не обманывай себя. Ты ведь боялся, что он почует опасность – и так и случилось. Он сменил маршрут.

Очередной отблеск хрома на горизонте. Большая машина. Достаточно большая для «кадиллака».

Я упал на живот, упер локти в дорожный гравий и прижал бинокль к глазам. Машина исчезла за горбом дороги... опять показалась... скрылась за поворотом... и показалась вновь.

Да, это был «кадиллак». Но не серый – машина была темно-салатовой.

Затем последовали тридцать самых ужасных и томительных секунд в моей жизни; тридцать секунд, которые длились, казалось, все тридцать лет. Какая-то часть меня уже окончательно уверилась, что Долан поменял свой старый «кадиллак» на новый. Он и раньше менял машины, и хотя раньше среди его «кадиллаков» никогда не бывало зеленых, ничто не мешало ему в этот раз взять зеленую.

Другая моя половина ожесточенно спорила с первой. Аргументы: «кадиллаков» на шоссе и дорогах, соединяющих Вегас и Лос-Анджелес, пруд пруди, и вероятность того, что этот зеленый «кадди» окажется именно тем, долановским, «кадиллаком» – один к ста.

Пот заливал мне глаза, все расплывалось, и я убрал бинокль. В решении этой проблемы он все равно мне не поможет. Когда я смогу разглядеть пассажиров, будет уже поздно.

Времени нет! Давай! Бегом к знаку, накрывай его, пока есть возможность! Он же уйдет!

А знаешь, что произойдет, если сейчас закрыть предупреждение об объезде? В твою ловушку попадутся двое богатых старичков, которые едут в Лос-Анджелес повидаться с детьми и свозить внуков в Диснейленд.

Давай же! Скорее! Это он! Это твой единственный шанс!

Правильно. Единственный шанс. Поэтому не проворонь его, загнав в ловушку этих людей.

Это Долан!

Это НЕ Долан!

– Перестаньте, – взвыл я, хватаясь за голову. – Перестаньте, перестаньте, ради Бога!

Приближавшуюся машину уже было слышно.

Долан.

Старики.

Женщина.

Тигр.

Долан.

Стари...

– Элизабет, помоги мне! – взмолился я.

Дорогой, этот человек никогда в жизни не покупал зеленой «кадиллак». И никогда не купит. Разумеется, это не он.

Головная боль мгновенно отступила. Я сумел подняться на ноги и поднять руку.

В машине сидели не старики. Туда набилась целая компания: что-то очень похожее на двенадцать вегасских хористок под командованием какого-то Папика, одетого в самую большую ковбойскую шляпу, которую я видел в жизни,

и самые темные солнцезащитные очки. Перед тем как «кадиллак» вильнул в объезд, одна из хористок продемонстрировала мне из окна свою голую попку.

Чувствуя себя выжатым как лимон и полностью опустошенным, я снова поднес бинокль к глазам.

И увидел его.

На этот раз никаких сомнений: именно тот «кадиллак» выехал из-за поворота на участок дороги, который полностью просматривался с моего холма. Серый, как небо над головой, он с удивительной четкостью выделялся на фоне тускло-коричневых холмов на востоке.

Это был он. Долан. Мои долгие терзания, сомнения и нерешительность сразу же показались мне глупыми и рассеялись без следа. Это был Долан, и мне даже не нужно было присматриваться к его серому «кадиллаку» для того, чтобы это понять.

Не знаю, мог ли он меня чувствовать... но я его чувствовал. Нутром чуял, как говорится.

Долан приближался. Это придало мне сил, и я побежал.

Вернувшись к большому знаку «ОБЪЕЗД», я скинул его в кювет, надписью вниз, укрыл куском холста песочного цвета и закидал песком опустевшие стойки. Общее впечатление от этих процедур не дотягивало до мастерской имитации полосы шоссе, но выглядел вполне удовлетворительно.

Теперь надо было бежать ко второму возвышению дороги, где остался фургончик, представлявший теперь такую картину: машина, временно оставленная хозяином, который пошел бродить в поисках новой шины.

Запрыгнув кабину, я растянулся на сиденьях с колотящимся сердцем, которое, казалось, билось даже в голове.

Время снова как будто растянулось. Я лежал в кабине и боялся выглянуть наружу. Я ждал, что сейчас уже услышу гул мотора, а он все не появлялся, и не появлялся, и не появлялся.

Они свернули. В последний момент он все равно почувал тебя... или что-то выглядело не так, не понравилось ему или кому-то из его горилл... и они свернули.

Я лежал на сиденье. Боль в спине пульсировала долгими, медленными волнами. Я лежал, крепко зажмурив глаза, как будто это могло обострить слух.

Что это? Мотор?

Нет, только ветер, окрепший достаточно, чтобы метнуть очередную порцию песка в закрытую дверь фургончика.

Нет, не едут. Свернули в объезд. Или назад повернули.

Только ветер.

Свернули или наз...

Нет, не только ветер. Звук мотора. Он становился все громче и громче, и через несколько секунд автомобиль – один-единственный – пролетел мимо.

Я сел и вцепился в руль – просто мне надо было во что-то вцепиться, – и уставился на дорогу, прикусив язык и выпучив глаза.

Серый «кадиллак» проплыл вниз по склону к длинной равнине, на скорости около пятидесяти миль – или чуть больше. Он так и не нажал на тормоз. Даже в самом конце. Ни тени сомнения. Они так ничего и не увидели.

Вот как это выглядело со стороны: внезапно «кадиллак» как будто поехал внутрь дороги, а не по ней. Эта иллюзия была настолько настойчивой и реальной, что в какой-то момент у меня самого закружилась голова, несмотря на то, что я же ее и создал. «Кадиллак» Долана погрузился в шоссе № 71 сначала по диски колес, потом шоссе дошло до дверей. Меня посетила совсем уже дикая

мысль: если бы «Дженерал моторс» делала шикарные подводные лодки, то именно так выглядело бы их погружение.

Я слышал тонкий хруст деревянных распорок, ломающихся под тяжестью машины. Я слышал треск рвущегося холста.

Длилось все это секунды три, не больше, но эти секунды я буду помнить всю жизнь.

От «кадиллака» осталась лишь крыша и верхние два-три дюйма тонированного стекла, а потом раздался сильный глухой удар. За ним последовали звон стекла и скрежет металла. В воздухе расцвел большой клуб пыли, тут же унесенный порывом ветра.

Я едва не сорвался, чтобы бежать туда – прямо сейчас, бросив все. Но сначала надо было вернуть знаки на место. Мне не хотелось, чтобы нас беспокоили.

Я вылез из кабины, обошел фургончик и вытащил из кузова колесо. Поставив его на место, я затянул болты руками – пока что этого достаточно. Сейчас мне надо только доехать до развилки у шоссе № 71.

Сняв машину с домкрата, я подбежал к кабине и остановился, прислушавшись.

Выл ветер.

Из длинной прямоугольной ямы в дороге доносились чьи-то крики... или вопли.

Улыбаясь, я сел за руль.

Я вернулся к развилке. Руки не слушались – машину швыряло из стороны в сторону. Остановившись, я выкинул из кузова дорожные конусы и принялся расставлять их на место. Я все время прислушивался, не едет ли кто, но ветер так разошелся, что это было бесполезно. Когда я услышу приближающуюся машину, она меня уже переедет.

Затем я бросился к кювету, споткнулся, шлепнулся на пятую точку и съехал вниз. Сдернув холст, прикрывавший знак объезда, я вытащил его наверх и установил на место. Прикрутить стрелку обратно я даже и не пытался, просто захлопнул дверцу и влез в кабину.

Я заехал обратно за возвышение, так чтобы меня не было видно с дороги, остановился и затянул болты на колесе. На этот раз я закрепил их уже ключом, время было. Крики, доносившие из ямы, превратились в истерические вопли. Я их различал даже сквозь завывание ветра.

Я неторопливо крепил колесо. Я не боялся, что кто-то вылезет из машины и набросится на меня или убежит в пустыню – это было невозможно. Ловушка сработала превосходно. «Кадиллак» ровно стоял на колесах в дальнем конце ямы, с просветом менее четырех дюймов с каждой стороны. Те трое внутри смогут разве что приоткрыть двери, но не смогут высунуть наружу даже ногу. Они не смогут открыть окна, потому что у них стоят электрические стеклоподъемники, а от батареи осталось, самое большее, месиво из пластмассы, металла и кислоты, затерянное где-то в ошметках двигателя.

Водитель и вооруженный охранник на переднем сиденье могли вообще разбиться, но меня это не беспокоило. Я знал, что кое-кто все еще жив: Долан всегда ездил на заднем сиденье и пристегивался, как и подобает добропорядочным гражданам.

Тщательно затянув болты, я подъехал к широкому концу ловушки и вылез наружу.

Большинство распорок было вырвано с корнем, от некоторых остались только расщепленные кончики, торчащие из асфальта. Холщовая «дорога» валялась на дне ямы, скомканная, смятая и разодранная. Она была похожа на сброшенную змеиную кожу.

Я спустился вниз.

Вот он, «кадиллак» Долана.

Передок машины был полностью разбит, разможен. Капот сложился и перекосялся, как мехи аккордеона или зазубренная лопасть винта.

Двигательный отсек представлял собой фарш из металла, резины и шлангов, засыпанный грудой песка и земли, обвалившейся от удара. Там что-то шипело, я даже слышал, как где-то в чреве машины капает и сочатся разнообразные жидкости. Воздух пронизывал холодный спиртовой аромат антифриза.

За лобовое стекло я не особенно волновался. Конечно, была определенная вероятность, что от удара его выбьет наружу, так что у Долана будет возможность выползти наружу. Но, как я уже говорил, все машины Долана строились в соответствии с требованиями, которые предъявляют к своим авто диктаторы банановых республик и лидеры военных хунт. Стекло должно было выдержать, и оно оправдало мои надежды.

Заднее стекло было еще крепче – из-за меньшей площади. Сломать его Долан не смог бы при всем желании – за то время, которое я ему дам, – а стрелять он не осмелится. Стрельбу с близкого расстояния в пуленепробиваемое стекло, наверное, следует отнести к одной из форм «русской рулетки». Пуля оставит маленькую отметину на стекле, а потом рикошетом ударит обратно в машину.

Будь у него достаточно времени, он бы выбрался из машины, но я был рядом, и вовсе не для того, чтобы его отпустить.

Я бросил на крышу машины горсть земли.

Ответ последовал незамедлительно.

– Пожалуйста, помогите! Мы не можем выбраться!

Голос Долана. Без боли. До жути спокойный. Но я почувствовал страх, притаившийся на самом дне, полузадушенный силой воли. Мне даже стало его жалко – настолько, насколько это вообще возможно в моей ситуации. Я представил себе Долана, сидящего в сложившемся «кадиллаке»: один из его людей ранен, возможно, придавлен двигателем, другой либо мертв, либо без сознания.

Подумав об этом, я испытал странное ощущение, которое можно назвать симпатической клаустрофобией. Нажимаешь на кнопки стеклоподъемников – ничего. Дергаешь двери и видишь, что они упираются в преграду. И нет никакой – никакой – возможности выбраться наружу.

Тут я осадил свое воображение. Долан сам купил себе эту радость, правильно? Да. Он сам купил этот билет и оплатил его полную стоимость. До самого конца.

– Кто там?

– Я. Но это не помощь, которой ты ждешь, Долан. – Я бросил новую порцию камней на крышу «кадиллака». Охранник, который было притих, снова принялся вопить.

– Ноги! Джим, мои ноги!

Голос Долана сразу изменился. Тот, снаружи, знал его имя. Это значило, что ситуация чертовски опасная.

– Джимми, черт, я вижу собственные кости! Мои ноги!

– Заткнись, – холодно сказал Долан. Жутко было слышать их голоса, доносящиеся изнутри машины. Я вполне мог бы спуститься на багажник «кадиллака» и заглянуть в заднее окно – но я бы мало что увидел, даже прижав лицо к стеклу. Стекло было тонированным и поляризованным, как я уже говорил.

В любом случае я не хотел его видеть. Я знал, как он выглядит. Зачем мне им любоваться? Еще раз посмотреть на его «Ролекс» и дорожные джинсы?

– Кто ты, приятель? – спросил он.

– Я никто, просто никто, у которого были причины устроить так, чтобы ты оказался там, где ты есть, – ответил я.

И вдруг – с пугающей, завораживающей внезапностью – Долан спросил:

– Ты Робинсон?

Меня как будто саданули под дых. Как быстро он вывел правильное заключение, просеяв все полузабытые имена и лица и точно выловив нужное! Он животное, подумал я, с животными же инстинктами. Я не знал и половины правды об этом

человеке. И хорошо, что не знал. Потому что, будь все по-другому, у меня никогда не хватило бы дерзости для осуществления задуманного.

Я сказал:

- Мое имя не имеет значения. Но ведь ты понимаешь, что сейчас будет?

Истерик со сломанными ногами завопил с новой силой – булькающие, хлюпающие звуки, как будто его легкие были полны воды:

- Вытащи меня-атсю-уда, Джимми! Выт... ааа! Ради Бо... а!!! Ноги сломаны!!!

- Заткнись, – повторил Долан. А потом, обращаясь ко мне: – Я тебя плохо слышу, этот идиот так орет.

Я опустился на четвереньки.

- Я спросил, понимаешь ли ты, что...

Тут у меня в голове пронеслась картинка. Волк, одетый Бабушкой, говорит Красной Шапочке: «Подойди ближе дорогая, я плохо слышу». Я пригнулся как раз вовремя. Прозвучали четыре выстрела. Даже для меня они были очень громкими – в машине скорее всего они были просто оглушительными. На крыше «кадиллака» открылись четыре черных отверстия, и что-то рассекло воздух в дюйме от моего лба.

- Я достал тебя, ублюдок? – спросил Долан.

- Нет.

Вопли охранника перешли в маловразумительное нытье. Он сидел спереди. Я видел его руки, бледные, как руки утопленника, слабо шлепавшие по лобовому стеклу, и распростертое тело рядом с ним. Джимми должен был его вытащить, ведь он истекал кровью, боль была страшной, ужасной, невыносимой, да ради Бога, он раскаивался во всех своих грехах, но это ужаснее...

Еще пара громких хлопков. Человек на переднем сиденьи замолк. Его руки отвалились от лобового стекла.

- Вот, - почти спокойным голосом сказал Долан. - Теперь он не будет нам мешать, и мы можем нормально поговорить.

Я молчал. Внезапно навалилась растерянность и чувство нереальности происходящего. Только что он убил человека. Убил. Ко мне снова вернулось стойкое ощущение, что, несмотря на все предосторожности, я все-таки недооценил его и мне повезло, что я вообще еще жив.

- Хочу сделать тебе предложение, - сказал Долан.

Я по-прежнему молчал...

- Дружище?

...и молчал...

- Эй, ты! - Его голос слегка дрожал. - Если ты все еще там, отзовись! Я тебя не укушу... Тем более - отсюда...

- Я здесь. Интересно: вот ты сейчас выстрелил. Шесть раз, - сказал я. - Я вот что подумал... может, тебе стоило бы оставить один патрон себе? Хотя я не знаю. Может быть, у тебя восьмизарядная пушка, или есть запасной магазин.

Тут пришла его очередь молчать.

Но потом он снова заговорил:

- Что ты намерен делать?

Я хмыкнул:

- По-моему, ты уже догадался. Больше полутора суток я только и делал, что копал. Самую длинную могилу в мире. И теперь я собираюсь похоронить тебя в

твоим гребаном «кадиллаке».

Ему все еще удавалось держать под контролем свой страх. Его голос почти не дрожал. А мне хотелось сломать этот контроль.

- Не хочешь вначале выслушать мои предложения?

- Я их выслушаю. Через пару секунд. Сначала мне нужно кое-что принести.

Я сходил к «форду» и вытащил из кузова лопату.

Когда я вернулся, Долан все повторял:

- Робинсон? Робинсон?

Как человек, надрывно кричащий в трубку замолкшего телефона.

- Да здесь я, здесь. Говори, я слушаю. Когда ты закончишь, я, может быть, выдвину контрпредложение.

Начав говорить, он оживился. Если я завел речь о контрпредложениях, стало быть, я готов на сделку. И если я готов на сделку, то он уже на полпути к спасению.

- Я дам тебе миллион долларов, если ты меняпустишь. Но, что также немаловажно...

Я зачерпнул полную лопату песка и грунта и швырнул его на багажник «кадиллака». Мелкие камешки застучали по заднему стеклу. Песок начал просачиваться в багажник.

- Что ты делаешь? - Его голос дышал тревогой.

- Лентяй - черту помощник, - отозвался я. - Мне же надо чем-то заняться, пока я тебя слушаю.

Я швырнул на машину вторую порцию земли.

Теперь Долан заговорил быстрее, словно боясь не успеть досказать все, что имел сказать:

– Так вот, миллион долларов и мои личные гарантии, что никто тебя не тронет... Ни я, ни мои люди, ни еще чьи-то люди.

Руки у меня совсем не болели. Восхитительное чувство. Я размеренно работал лопатой, и минут через пять задняя часть машины была уже не видна под слоем земли. Закапывать – даже руками – было не в пример легче, чем рыть.

Я остановился, облокотившись на лопату.

– Продолжай.

– Слушай, это же бред какой-то, – сказал он, и теперь я слышал яркие проблески паники в его тусклом голосе. – Ну сам подумай, это же просто безумие!

– Тут ты прав, – согласился я и подбросил еще земли в его могилу.

Я и не думал, что он столько продержится. Но он держался: говорил, убеждал, увещевал – погружаясь все глубже и глубже под слой песка и земли, которые постепенно закрыли все заднее стекло, – он говорил, повторяясь, и путаясь, и уже начиная заикаться. Один раз пассажирская дверца открылась, насколько ей позволяли открыться габариты ямы, и ударилась о стену. Я увидел руку с черными волосами на костяшках и большим рубиновым кольцом на среднем пальце. Я тут же послал в открывшуюся щель четыре полных лопаты рыхлой земли. Он чертыхнулся и захлопнул дверцу.

Вскоре после этого он сломался. Скорее всего на него подействовал звук осыпающейся земли. Я даже уверен, что так и было. Этот звук внутри «кадиллака» должен был звучать очень громко. Стучащие по крыше и по стеклам камешки и целые потоки земли. Наверное, до него наконец дошло, что он сидит в роскошном восьмицилиндровом гробу с инжекторным двигателем.

– Выпусти меня! – всхлипнул он. – Пожалуйста! Я больше не выдержу! Выпусти, выпусти меня!

– Ты готов выслушать контрпредложение? – спросил я.

– ДА! ДА! Боже мой, да!

– Кричи. Вот мое контрпредложение. Вот чего я хочу. Кричи для меня. Если будешь кричать с чувством и громко, я тебя выпущу.

Он пронзительно завопил.

– О! Хорошо! – похвалил его я, и похвала, должен заметить, была заслуженной. – Но пока недостаточно хорошо.

Он опять заорал, еще громче. Я даже поразился, как можно издавать звуки такой силы и не разорвать себе глотку.

– Очень неплохо. – Я заработал лопатой с удвоенной силой. Боль в спине не отпускала, но я все равно улыбался. – Ты сможешь выбраться, Долан, действительно, сможешь. Если как следует постарайся.

– Пять миллионов. – Это была его последняя вразумительная фраза.

– Нет, не согласен, – ответил я, опираясь на лопату и вытирая пот со лба тыльной стороной грязной ладони. Земля обсыпала крышу машины уже почти со всех сторон. Это было похоже на завихрение звездной туманности... или на громадную коричневую руку, схватившую «кадиллак» Долана. – Но если ты сможешь заорать так, чтобы твой крик сравнился по мощности, скажем, с восемью шашками динамита, подключенными к ключу зажигания «шевроле» шестьдесят восьмого года выпуска, я тебя выпущу, можешь не сомневаться.

И он закричал... а я швырнул очередную лопату земли на «кадиллак». Какое-то время он кричал действительно громко, хотя я решил, что его вопли потянут лишь на две шашки динамита, подключенные к зажиганию «шевроле» шестьдесят восьмого года выпуска. Ну, на три максимум. А к тому времени, когда я сказал последнее «прости» фарам и подфарникам «кадиллака» и

остановился передохнуть, глядя на окученное вздутие в яме, он производил только сбивчивые серии хрипов и всхлипов.

Я взглянул на часы. Второй час пополудни. Руки опять кровоточили, черенок лопаты стал скользким. Порыв ветра метнул мне в лицо порцию пыли и песка, я машинально отвернулся и прикрыл глаза. Сильный ветер в пустыне имеет такой специфический, неприятный звук – длинный и низкий гул, который тянется и тянется на одной ноте. Похоже на вой какого-то идиота-призрака.

Я наклонился к яме.

– Долан?

Нет ответа.

– Кричи, Долан.

Молчание. Потом – приступ тяжелого кашля.

Великолепно!

Я вернулся к фургончику, забрался в кабину и прокатился мили полторы назад по ремонтируемому участку. По дороге я настроился на WKXR, вегасскую радиостанцию – ничего больше приемник в машине ловить не хотел. Сначала Барри Манилов доверительно сообщил мне, что он пишет песни, которые поет весь мир – утверждение, которое я воспринял с некоторым скептицизмом, – потом пошел прогноз погоды. Предсказывали сильный ветер; по всем основным дорогам между Лас-Вегасом и Калифорнией были вывешены предупреждения. Предполагались проблемы с видимостью из-за песка и пыли, сказал диск-жокей, но больше всего следует опасаться порывистого ветра. Это я понял и так – чувствовалось, как швыряло фургончик.

А вот и мой «Кейс-Джордан». Мысленно я уже называл погрузчик «моим». Я влез в кабину и снова замкнул голубой и желтый провода. Погрузчик мягко взревел. На этот раз я не забыл снять его с передачи. Неплохо, приятель, так и слышу голос Тинка. Смешливый ты парень. Быстро учишься.

Да, все правильно. Я очень многому научился за это время.

Где-то минуту я просто сидел: глядел на призрачных змей из песка, расползавшихся по пустыне, вслушивался в гудение двигателя и размышлял, что сейчас будет делать Долан. В конце концов это был его Шанс с большой буквы. Постараться разбить заднее стекло или переползти на переднее сиденье и высадить лобовое. Я насыпал пару футов песка и туда, и туда, но пока еще было возможно вылезти. Если очень захотеть. Все зависело от того, сохранил ли Долан рассудок – этого я не знал и не мог знать, так что, наверное, не стоило и заморачиваться. Мне и без этого было о чем подумать.

Я включил скорость и поехал обратно к траншее. Там я остановил погрузчик, выбрался из кабины. Подбежал к краю ямы и с тревогой глянул вниз, опасаясь увидеть широкую нору спереди или сзади «кадиллакова» кургана – там, где Долан, пробивший стекло, все-таки выбрался наружу.

Однако мое произведение копательного – или, вернее сказать, закопательного – искусства было нетронутым.

– Долан, – позвал я весело и бодро, как мне показалось.

Молчание.

– Долан.

Нет ответа.

Он покончил собой, подумал я с горьким и нехорошим разочарованием. Покончил собой или умер от страха.

– Долан?

Из-под насыпи послышался хохот: громкий, безудержный, неподдельный хохот. Я так и обмер – все мое тело как будто окаменело. Это был хохот безумца. Его разум все-таки не выдержал.

А он все смеялся своим сиплым голосом. Потом он кричал; потом снова смеялся. В итоге он начал кричать и смеяться одновременно.

И я тоже смеялся вместе с ним, или кричал, или что он еще там делал. А ветер кричал и смеялся над нами обоими.

Потом я вернулся к «Кейс-Джордану», опустил ковш и приступил к настоящему погребению.

Минуты через четыре уже невозможно было различить даже очертания «кадиллака». На месте ловушки-могилы была просто яма, наполовину засыпанная песком и землей.

Мне казалось, что я еще что-то слышу, но, наверное, только казалось. Даже если бы Долан кричал, я бы вряд ли расслышал его сквозь вой ветра и шум движка. Я встал на колени, потом вытянулся в полный рост, свесив голову в яму.

Глубоко внизу, под всей этой массой песка и земли, Долан продолжал смеяться. Звуки были похожи на надписи в комиксах: Хи-хи-хи, ахха-ха-ха-ха-ха. Может быть, он выкрикивал и какие-то слова. Трудно сказать. Но я все равно улыбнулся и кивнул.

– Кричи, – прошептал я, – кричи, если хочешь. – Но сквозь толщу песка и земли пробивался лишь едва различимый смех – просачивался наружу, как какие-то ядовитые пары.

Внезапно меня сковал темный ужас. Я почему-то уверился, что Долан стоит у меня за спиной! Да, он все-таки выбрался и теперь подкрался ко мне со спины! И прежде чем я успею повернуться, он столкнет меня вниз и...

Я развернулся в прыжке, сжимая искалеченные кисти в жалкое подобие кулаков. В лицо ударил заряд песка, подхваченный ветром.

Просто песок.

И ничего больше.

Я вытер лицо своей грязной банданой и вернулся в кабину погрузчика, чтобы закончить работу.

Я закончил еще засветло. Я засыпал всю яму, и у меня даже осталось немного лишнего грунта, хоть ветер за это время и унес немало песка. Потому что часть объема занял «кадиллак». Все прошло очень быстро... на удивление быстро.

Я проехался на погрузчике прямо по тому месту, где был похоронен Долан. Мысли путались, неслись, обгоняя друг друга, и в конце концов превратились в один сплошной бред.

Я остановил погрузчик на его старом месте, снял рубашку и вытер все металлические поверхности, пытаюсь таким образом уничтожить отпечатки пальцев. Зачем я так напрягался, до сих пор не могу понять – ведь я оставил свои отпечатки в сотне других мест вокруг. Потом, уже в серо-коричневых сумерках поднявшейся песчаной бури, я вернулся к своему «форду».

Открыв задние двери фургончика, я увидел в кузове скорчившегося Долана и отскочил назад, вопя благим матом и закрывая лицо рукой. Сердце, казалось, вот-вот взорвется.

Но никто не выскочил из фургона. Только дверца билась и стучала на ветру, как последняя ставня в заброшенном доме с привидениями. Наконец я вернулся обратно. Сердце бухало и колотилось в груди. Внутри не было ничего, кроме того, что я сам там оставил: стрелка-указатель с разбитыми лапочками, домкрат, ящик с инструментами.

– Держи себя в руках, – тихо сказал я себе. – Держи себя в руках.

Я ждал, что Элизабет заговорит со мной и скажет что-то типа: Все будет в порядке, дорогой... ну, что-нибудь ободряющее... но я слышал только рев ветра.

Я залез в микроавтобус, завел двигатель и проехал половину пути до ловушки. Дальше я не поехал – просто не смог. Как бы по-дурацки это ни звучало, мне все сильнее и сильнее казалось, что Долан притаился там, в кузове. Я постоянно ловил себя на том, что поглядываю в зеркало заднего вида, пытаюсь выцепить его тень среди других.

Ветер усилился. Фургончик буквально раскачивало на рессорах. Пыль, пригнанная из пустыни, проносилась перед фарами, словно дым.

В итоге я свернул на обочину, вылез и закрыл все двери. Я знаю, что спать снаружи в такую погоду решил бы только кретин полоумный, но я не мог спать внутри. Просто не мог, и все. В общем, я забрался под «форд» со своим спальным мешком.

Я заснул уже через пять секунд после того, как застегнул молнию на мешке.

Проснулся я от кошмара, которого не смог вспомнить – помню только, что снились какие-то руки, вцепившиеся мне в горло, – и обнаружил, что погребен заживо. Нос был забит песком, уши тоже. Песок был даже в глотке, так что я задыхался.

Я закричал и рванулся вверх, решив поначалу, что сковавший меня спальный мешок – это земля. Я хорошо приложился макушкой к шасси фургончика, и на меня посыпалась ржавчина и грязь.

Я выкатился из-под фургона на свет грязно-свинцового рассвета. Едва я встал, спальный мешок вырвало у меня из рук ветром и унесло, как какое-то перекачиполе. Издав удивленный вопль, я бросился его догонять и пробежал футов двадцать, прежде чем понял, что мне бы лучше не надо за ним бежать. Видимость не превышала двадцати ярдов. В некоторых местах я вообще не видел дороги. Я оглянулся на свой фургончик – он выглядел вылинявшим, едва различимым, как старая фотография из города-призрака.

Покачиваясь, я вернулся к машине, нашел ключи и влез внутрь. Потом, все еще сухо кашляя и плюясь песком, я завел мотор и медленно поехал обратно. Домой. Мне не пришлось дожидаться прогноза погоды: ведущий на радио только о ней и говорил. «Самая сильная, самая страшная песчаная буря в истории Невады. Все дороги перекрыты. Не выходите из дома без абсолютной необходимости, но даже если очень приспичит выйти, все равно оставайтесь дома».

Славный день – Четвертое июля.

Не выходи из машины. Ты что, рехнулся? Ты же ослепнешь от песка!

Я пойду и на это. Такая великолепная возможность замести все следы – даже в самых диких мечтах я не смел надеяться, что мне выпадет такой шанс, но мне повезло, и я собирался воспользоваться предоставившейся возможностью.

Я прихватил с собой четыре одеяла. Оторвал от одного из них длинную широкую полосу и обмотал ею голову. Вид у меня был как у сбрендившего бедуина. Но меня это не волновало. Я открыл дверцу и вышел в бурю.

Все утро я провел, перетаскивая асфальтовые чушки из кювета обратно к засыпанной яме и укладывая их там. Я напоминал себе каменщика, который кладет стену... или замуровывает нишу. Таскать и укладывать было не так уж и страшно. Хуже всего было то, что мне приходилось раскапывать большинство асфальтовых кусков, как какому-нибудь археологу-охотнику за древними сокровищами. При этом каждые двадцать минут я укрывался от жалящего песка в кабине микроавтобуса, чтобы дать отдохнуть измученным, воспаленным глазам.

Я медленно продвигался к западу от того места, которое еще вчера было раструбом ловушки, и где-то к четверти второго – начал я в шесть – добрался до конца семнадцатого фута бывшей ямы.

Потом ветер начал стихать, и я стал различать в небе над головой разрозненные голубые разрывы.

Я подтаскивал и укладывал, подтаскивал и укладывал. Теперь я добрался до места, где, по моим подсчетам, должен был находиться Долан. Интересно, он еще жив или нет? Сколько кубических футов воздуха вмещает в себе «кадиллак»? Как скоро это пространство внизу станет непригодным для поддержания человеческой жизни, учитывая, что ни один из попутчиков Долана уже не дышал?

Я опустил на голую землю. Ветер практически стер следы колес «Кейс-Джордана», но все-таки не до конца; где-то под этими слабыми отметинами был человек с «Ролексом» на руке.

– Долан, – сказал я, шепча прямо в землю. – Я передумал и решил тебя выпустить.

Ничего. Ни звука. На этот раз он точно мертв.

Я поднялся и пошел за очередным куском асфальта. Уложил его на место и уже начал распрямляться, как вдруг услышал едва различимый кудахтающий смех, доносящийся из-под земли. Я присел и наклонил голову – если бы у меня были волосы, то сейчас они свисали бы на лицо, – и просидел в такой позе почти минуту, слушая его смех. Звук был очень слабый, но он все-таки был.

Когда смех прекратился, я принес следующий асфальтовый квадрат. На нем виднелся кусок желтого пунктира дорожной разметки, который выглядел как тире. Я наклонился, держа его в руках.

– Ради Бога, Робинсон! – услышал я всхлип. – Ради любви Господней!

– Да, – улыбнулся я. – Ради любви Господней!

Я уложил эту чушку вплотную к предыдущей. Больше я его не слышал.

* * *

Я вернулся домой в тот же вечер, часов в одиннадцать. И сразу же бухнулся спать. Проспав шестнадцать часов кряду, я встал и пошел на кухню, чтобы сварить себе кофе. И вот там-то меня и скрутило. Я буквально сложился пополам, извиваясь и корчась от боли. Одной рукой я схватился за поясницу, а другую закусил, чтобы не закричать.

Через пару минут я сумел кое-как разогнуться и отползти в ванную. Там я попытался встать, но спину снова пронзило болью. Повиснув на раковине, я кое-как дотянулся до аптечки и достал второй пузырек эмпирина.

Я сжевал три таблетки и открыл воду, чтобы набрать ванну. Пока она наполнялась, я лежал на полу, а потом содрал с себя пижаму и исхитрился забраться в ванну. Я пролежал там целых пять часов, по большей части – в

полубессознательном состоянии. Когда я вылез, то уже мог ходить.

Худо-бедно, но все-таки.

Назавтра я пошел к хирургу. Он сказал, что у меня ущемление трех дисков и серьезные смещения позвонков в нижней части позвоночника. Спрашивал, не пытался ли я замещать какого-нибудь циркового силача.

Я сказал ему, что копался в саду.

Он сказал, что мне надо ехать в Канзас-Сити.

Я поехал.

Меня прооперировали.

Когда анестезиолог наложил мне на лицо резиновую маску, я слышал голос Долана. Он хохотал из шипящей тьмы, и я понял, что умру.

Послеоперационная палата была выложена водянисто-зеленым кафелем.

– Я живой? – прохрипел я.

Медбрат рассмеялся.

– Похоже, живой. – Его рука легла мне на лоб. У лысых вся голова – сплошной лоб, от бровей до шеи. – Какой у вас сильный солнечный ожог! Боже мой! Он как, болит? Или вы все еще не отошли от наркоза?

– Все еще не отошел, – ответил я. – А под наркозом я разговаривал?

– Да.

Я похолодел. До мозга костей.

– И что я говорил?

– Вы говорили: «Здесь темно! Выпустите меня!». – И он опять засмеялся.

– Ага, – сказал я.

Его так и не нашли – Долана.

Из-за песчаной бури. Да, с бурей мне повезло. Я представляю, как все это было, хотя вы, наверное, меня поймете, если я скажу, что не проверял свою догадку. Да и не стремился проверить.

РДП – помните? На шоссе № 71 меняли дорожное покрытие. Буря почти погребла под песком тот закрытый участок дороги. Когда дорожники вернулись к работе, им и в голову не пришло расчищать эти новые дюны. Дорога и так закрыта, спешить некуда, так что рабочие одновременно убрали с полотна и песок, и старый асфальт. И если водитель бульдозера случайно заметил, что засыпанный песком асфальт – участок длиной футов сорок – под ножом его агрегата превращается в аккуратные, почти идеальной формы квадраты, он никому об этом не рассказал. Может быть, он был с похмелья. Или же предвкушал, как вечером после работы пойдет гулять со своей цыпочкой.

Потом пришли тяжелые самосвалы, загруженные свежими порциями гравия, а за ними – грейдеры и катки. Дальше пришел черед больших гудроновых танкеров с рассекателями сзади и запахом горячей смолы, от которой плавятся подошвы. Когда свежий асфальт остыл и высох, по дороге прошла разметочная машина, водителю которой часто приходится оглядываться под своим холщовым навесом, чтобы удостовериться, что желтый пунктир за его спиной безупречно ровный. Он и знать-то не знал, что проезжает над дымчато-серым «кадиллаком» с тремя телами внутри. Не знал, что внизу, в темноте, лежит рубиновое кольцо и золотой «Ролекс», и часы, может быть, до сих пор отсчитывают часы, минуты и секунды.

Один из этих тяжелых дорожных агрегатов наверняка раздавил бы обычный «кадиллак»; крен, треск, и куча людей, разрывающих яму, чтобы выяснить, что – или кого – они там нашли. Но долановский «кадиллак» был не обычной машиной. Скорее это был танк на колесах, так что великая осторожность Долана

сослужила мне неплохую службу. Если его и найдут, то найдут очень нескоро.

Конечно, рано или поздно, «кадиллак» просядет под тяжестью какого-нибудь груженого автопоезда, и следующий за ним автомобиль застанет большой длинный провал в западной полосе шоссе, и об этом известят Управление дорожного строительства, и те назначат еще один РПД. Но если рядом случайно не окажется никого из дорожников, который мог бы определить, что под покрытием дороги находился какой-то полый объект, то они там скорее всего решат, что эта «топь» (как они называют такие провалины) была вызвана либо вымораживанием, либо обрушившимся соляным куполом, либо подвижками почвы – явлением достаточно частым в пустыне.

Его объявили в розыск – Долана.

Кто-то его оплакал.

Ведущий колонки в газете «Лас-Вегас сан» предположил, что Долан жив и здоров и играет сейчас где-нибудь в домино или гоняет шары с Джимми Хоффа.

Может быть, он был не так уж далек от истины.

У меня все в порядке.

Спина совсем не болит. Я следую строгим предписаниям врачей и не поднимаю без посторонней помощи тяжести весом свыше тридцати фунтов, тем более что в этом году к моим услугам – полный класс замечательных ребятишек и любая помощь, какая только может понадобиться.

Я несколько раз ездил по тому участку дороги на своей новой машине. Однажды я остановился, вышел и (убедившись, что дорога пуста в обоих направлениях) помочился туда, где, по моим подсчетам, было то самое место. Но как я ни старался, многого я из себя выжать не смог, хотя мне казалось, что почки полны и вот-вот разорвутся. На обратном пути я постоянно поглядывал в зеркало заднего вида: меня не покидала забавная мысль, что он сейчас поднимется с заднего сиденья – Долан с кожей, потемневшей до цвета корицы и обтянувшей

череп, как кожа высохшей мумии, и с волосами, полными песка. Поднимется и поглядит на меня, сверкая глазами и часами «Ролекс».

И это была моя последняя поездка по 71-му. Теперь, когда мне надо съездить на запад, я пользуюсь федеральной автострадой.

А Элизабет? Как и Долан, она умолкла. К моему несказанному облегчению.

Конец всей этой гадости

[5 - The End of the Whole Mess. © Перевод. Бавин С.П., 2000]

Я хочу поведать вам про окончание войны, упадок человечества и смерть Мессии – эпическую историю, заслуживающую тысяч страниц на целую полку томов, но вам (если кто-нибудь из вас еще в состоянии читать это) придется удовлетвориться сублимированной версией. Прямая инъекция действует очень быстро. Думаю, в моем распоряжении есть где-то от сорока пяти минут до двух часов, в зависимости от группы крови. Кажется, моя группа – «А», что дает несколько больше времени, но будь я проклят, если помню наверняка. Если окажется, что у меня группа «О», вы останетесь наедине с пустыми страницами, мой гипотетический друг.

В любом случае, полагаю, правильнее рассчитывать на худшее и действовать по возможности быстро.

Я пользуюсь электрической печатной машинкой. На компьютере Бобби, в текстовом редакторе, было бы быстрее, но напряжение в сети слишком нестабильное, чтобы полагаться на него даже при наличии стабилизатора. У меня всего одна попытка. Я не могу рисковать, набирая текст, чтобы в один прекрасный момент увидеть, как вся работа полетит к богу данных из-за того, что напряжение упадет или взлетит настолько высоко, что стабилизатор не справится.

Меня зовут Ховард Форной. По профессии – свободный журналист. Мой брат, Роберт Форной, был Мессией. Я убил его, расстрелял вместе с его открытием

четыре часа назад. Он называл это Успокоителем. Очень Серьезная Ошибка – гораздо более подходящее название, на мой взгляд, но что сделано, то сделано и не может быть переделано, как говорят ирландцы, что доказывает, какие они козлы.

Черт, я не могу себе позволить так отклоняться от темы.

После смерти Бобби я накрыл его пледом и три часа просидел у единственного окна жилой комнаты этой хижины, разглядывая лес. Возможно, раньше вы могли видеть яркое свечение дуговых натриевых фонарей из Норт-Конвэй, но его больше не существует. Теперь остались лишь одни Белые горы, которые выглядят как темные треугольники, вырезанные детской рукой, да бессмысленные звезды.

Я включил радио, прошелся по четырем диапазонам, наткнулся на одного психа и выключил. Потом сидел и думал, как мне изложить всю эту историю. Сознание бродило где-то очень далеко в сосновых лесах, и совершенно впустую. И в конце концов я понял, что было бы проще не валять дурака и застрелиться. Черт. Никогда я не мог работать без крайнего срока.

Видит Бог, более крайнего просто быть не может.

У наших родителей не было никаких оснований ожидать ничего иного, кроме того, что имели: талантливых детей. Отец был крупным историком; в тридцать лет он стал профессором в Хофстре. Десять лет спустя он уже был одним из шести заместителей руководителя Национальных архивов в Вашингтоне, округ Колумбия, и имел все перспективы подняться выше. К тому же он был чертовски замечательным парнем – у него были все известные записи Чака Берри, да и сам он весьма неплохо играл на гитаре блюзы. Отец создавал порядок днем и импровизировал по ночам.

Мать окончила университет Эндрю magna cum laude[6 - Магна Кум Лауде (Magna cum laude) – в США: вторая из трех специальных степеней отличия для выпускников высших учебных заведений. – Примеч. пер.]. Получив ключ члена клуба «Фи Бета Каппа»[7 - Фи Бета Каппа (Phi Beta Kappa) – национальный клуб в США, членом которого могут стать люди, достигшие очень высокого уровня в своих научных работах. – Примеч. пер.], она временами даже надевала свою

забавную широкополую шляпу. В том же округе Колумбия она состоялась как преуспевающий бухгалтер-экономист, познакомилась с отцом, вышла за него замуж и занялась частной практикой, когда забеременела вашим покорным слугой. Я появился на свет в 1980 году. В восемьдесят четвертом она начала помогать считать налоги некоторым из отцовских коллег; она называла это своим «маленьким хобби». К восемьдесят седьмому, когда родился Бобби, она уже занималась налогами, инвестициями и операциями с недвижимостью для дюжины влиятельных людей. Я мог бы назвать фамилии, но кому до этого дело? Сейчас они либо мертвы, либо превратились в слюнявых идиотов.

Думаю, от своего «маленького хобби» она имела в год больше, чем отец от своей работы, но это никогда не считалось – оба были счастливы тем, что имели, и друг другом. Мне приходилось быть свидетелем того, как они временами вздорили, но до серьезных стычек никогда не доходило. Пока я рос, единственным отличием моей матери от матерей моих приятелей было то, что их мамы, варя суп, читали, гладили, шили или болтали по телефону, а моя, когда варила суп, обычно доставала карманный калькулятор и записывала столбцы цифр на больших зеленых листах бумаги.

Я не стал разочарованием для этой пары с кредитными карточками «Менса Голд» в бумажниках. За всю свою школьную карьеру я учился только на «хорошо» и «отлично» (мысль о том, что я или мой брат могли бы ходить в частную школу, насколько я помню, даже не обсуждалась). И писать я начал довольно рано, причем безо всяких усилий. Первую журнальную статью я написал в двадцать лет – она была о том, как Континентальная армия[8 - Континентальная армия – американская армия эпохи борьбы за независимость. – Примеч. пер.] зимовала в долине Фордж. Я продал ее в один из журналов для авиапутешественников за четыреста пятьдесят долларов. Отец, которого я очень любил, спросил, нельзя ли ему выкупить у меня этот чек. Выдав взамен свой собственный, он поместил мой чек в рамочку и повесил над своим письменным столом. Романтик, если хотите. Романтический любитель блюзов, если хотите. Можете мне поверить, дети способны и на худшее. Разумеется, и он, и мать кончили свои дни в конце прошлого года в бредовом помешательстве, делая под себя, как и почти все остальные на этом большом шаре, который является нашим домом, но я никогда не переставал любить их обоих.

Я был именно таким ребенком, какого они и ожидали – хорошим умненьким мальчиком, талантливым мальчиком, чей талант быстро развился в атмосфере любви и доброжелательности, честным мальчиком, который любил и уважал

маму с папой.

Бобби был другим. Никто, даже обладатели карточек «Менса Голд», не мог ожидать такого ребенка, как Бобби. Никогда.

Я научился ходить на горшок на два года раньше, чем Бобби, и это было единственное, в чем я его опередил. Но я никогда ему не завидовал. Это было бы все равно, как если бы замечательный питчер из лиги «Американский легион» испытывал зависть к Нолану Райану или Роджеру Клеменсу. Спустя некоторое время все сравнения, которые могли вызывать зависть, попросту прекратились. Я испытал это на себе, и могу вас уверить: после какого-то момента лучше просто отойти в сторону и прикрыть глаза ладонью от слепящего солнца.

Бобби начал читать в два года, а в три уже писал коротенькие сочинения («Наша собака», «Поездка в Бостон с мамой»). Произведения его отличались неожиданностью и беспорядочностью, характерными для шестилетки, что само по себе было вполне удивительно, но главное не это. Если медленно развивающуюся моторику его действий не учитывать в качестве оценочного фактора, можно было решить, что вы читаете текст талантливого, хотя и поразительно наивного пятиклассника. Он с головокружительной быстротой перешел от простых предложений к составным и сложноподчиненным и начал исключительно по наитию строить развернутые конструкции с разного рода придаточными, что не могло не удивлять. Иногда его подводил синтаксис, иногда согласование, но все эти недостатки, от которых большинство пишущих страдает всю жизнь, он вполне успешно изжил уже к пяти годам.

У него начались головные боли. Родители боялись, что это какие-то физиологические проблемы, может, опухоль мозга, и повели его по врачам. Врач внимательно его обследовал, еще более внимательно выслушал, после чего заявил родителям, что у Бобби всего-навсего стресс: он очень сильно переживает, что рука не поспевает за скоростью мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Dolan's Cadillac. © Перевод. Покидаева Т.Ю., Аракелов А.В., 2000.

2

«Колесо сюжетов» – должно быть, имеется в виду такая игрушка в виде коробочки, где можно поворачивать колесики с разными надписями и таким образом составлять рассказы по методу случайного выбора. – Примеч. пер.

3

по Фаренгейту. – Примеч. пер.

4

B-52 – военный бомбардировщик ВВС США. – Примеч. пер.

5

6

Магна Кум Лауде (Magna cum laude) – в США: вторая из трех специальных степеней отличия для выпускников высших учебных заведений. – Примеч. пер.

7

Фи Бета Каппа (Phi Beta Карра) – национальный клуб в США, членом которого могут стать люди, достигшие очень высокого уровня в своих научных работах. – Примеч. пер.

8

Континентальная армия – американская армия эпохи борьбы за независимость. – Примеч. пер.

Купить: <https://telnovel.com/stiven-king/detki-v-kletke-sbornik-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)